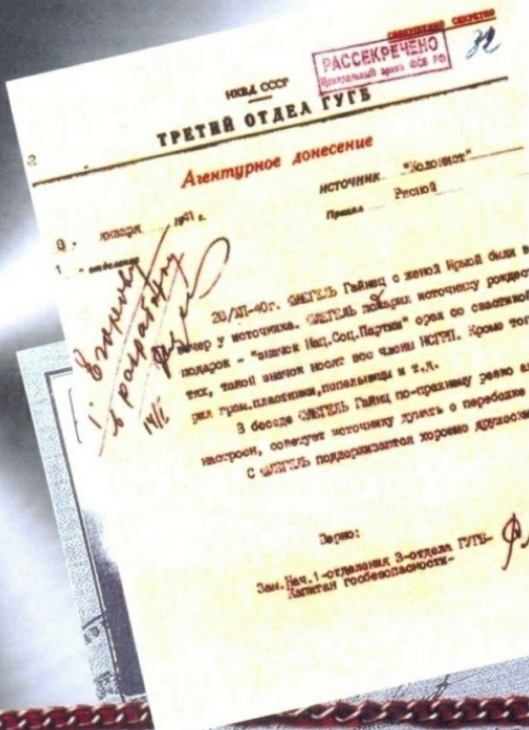

С. П. Кузнецов, Д. С. Кузнецов

Николай Кузнецов

Непревзойденная
легенда

12+

Сергей Кузнецов

**Николай Кузнецов.
Непревзойденная легенда**

«Автор»

2011

Кузнецов С. П.

Николай Кузнецов. Непревзойденная легенда / С. П. Кузнецов — «Автор», 2011

ISBN 978-5-532-06821-6

Документально-историческое издание авторов Сергея Кузнецова и Дмитрия Кузнецова основано на архивных материалах и документах, не доступных широкому кругу читателей. В книге отображены неопубликованные ранее страницы жизни, этапы становления прирожденного разведчика, описаны проведенные им оперативные, агентурные операции. Используя многочисленные воспоминания свидетелей того времени, авторы последовательно освещают аспекты, события, биографические данные спец-агента. Документальное издание подготовлено к 100-летию со дня рождения легендарного разведчика Николая Кузнецова. Лауреат Премии ФСБ России 2011 года в номинации "Художественная литература и журналистика".

ISBN 978-5-532-06821-6

© Кузнецов С. П., 2011

© Автор, 2011

Сергей Кузнецов, Дмитрий Кузнецов Николай Кузнецов. Непревзойденная легенда

Посвящается ветеранам и действующим сотрудникам ВЧК, ОГПУ, НКВД-НКГБ, КГБ СССР, Федеральной Службы Безопасности, Службы Внешней Разведки.

Они остаются для нас классическим примером работы высокого уровня профессионализма и беззаветного служения Родине.

Это противостояние и незримое соперничество незаметно постороннему взгляду, дуэль разведок не прерывалась никогда. Задачи для специалистов невидимого фронта, избравших свой профессиональный путь в обеспечении безопасности государства во все времена, оставались и продолжают оставаться неизменными.

Эти люди работают не за славу и награды. За безопасность государства. За мир и покой наших граждан.

К столетию со дня рождения.

Образ легендарного разведчика Николая Ивановича Кузнецова всегда является для нас примером беззаветного служения своей Родине. О проведенных Кузнецовым операциях разведывательно-диверсионного характера, вошедших в историю противостояния спецслужб Советского Союза и Германии, написано много книг, сняты документальные и художественные фильмы. Легенда отечественной контрразведки, гордость отечественных спецслужб, высококлассный агент – специалист, он с ранних юношеских лет развивал свои интеллектуальные способности. Обладая природным даром превосходной памяти, он по собственной инициативе практически с десяти лет приступил к освоению немецкой лексики и европейской культуры. Впоследствии это увлечение перерастет в изучение языка и культуры Германии глубочайшим образом и кардинально изменит всю его дальнейшую жизнь.

В годы Великой Отечественной войны Николай Иванович был заброшен в глубокий тыл противника, где выполнял ответственные задания советской разведки. Знаменитый разведчик остается для нас классическим примером работы высокого уровня профессионализма. Проведенные им оперативные-технические, агентурные операции вошли в учебные пособия как образцовые, и материалы о его виртуозной филигранной деятельности преподаются в спецшколах многих стран мира. Его биография до настоящего времени полна тайн и нераскрытых страниц.

Отдельные главы документальной повести посвящены противостоянию и соперничеству спецслужб двух стран: Советского Союза и Германии.

На период 1908 года в административном перечне населенных пунктов Пермской губернии Камышловского уезда значится с виду неприметная, глухая деревня Зырянская, о которой приводится следующее описание:

«Деревня Зырянская входит в состав Балаирской волости Камышловского уезда. Местность ровная, сухая, покрыта сосновым и еловым лесом. В климатическом отношении здоровая. Расположена в трех верстах от центра волости, ветеринарного и фельдшерского пунктов, библиотеки и церкви; в 93-х верстах от уездного города Камышлова; в 19-и верстах от железнодорожной станции Поклевская; в 13-и верстах от ближайшей ярмарки.

Число дворов на 1908 год – 84. Население (мужчин 202, женщин 199) – бывшие государственные крестьяне, православные, и раскольники (беспоповцы); русские. Занимаются исклю-

чительно земледелием. В деревне имеется деревянная часовня, построенная на средства местных жителей и земская станция, предоставляющая подводы для поездок должностных лиц и исполнения почтовых обязанностей.

В 1908 г. построена земская школа с квартирой для учителя. Мальчики и девочки учатся совместно. Отопление, ремонт печей и ограды школы производятся за счет уездного земства. На 1914 г. число учащихся составляет 21 человек».

Иван Павлович Кузнецов, коренной житель села Зырянское, по достижению призывного возраста, был призван на действующую воинскую службу. Служить ему пришлось в Санкт-Петербурге, в гренадерском полку в течение долгих семи лет.

Полк, расквартированный в Петродворце, имел статус «показательного» а посему постоянно принимал участие на церемониальных приемах в честь важных иностранных гостей.

«Высочайшим указом за собственноручным Его Императорского Величества подписанием, в знак высочайшего благоволения Его Императорского Величества, приняв во внимание беспорочную службу, за отличную стрельбу солдат Иван Кузнецов пожалован серебряной монетой».

Данная награда, учрежденная Российским Императором, имела статус персональной наградной медали, представляла собой монетовидный воинский наградной знак – «серебряный», и являлась государственным знаком отличия, крепились на цепочке на нагрудной части мундира.

В армии Иван Павлович научился читать и писать, дослужился до чина унтер-офицер. Позднее Кузнецов был награжден Георгиевской медалью 4-й степени «За усердие и служебные отличия» и денежной выдачей в виде прибавочного жалования согласно Высочайше утвержденного Георгиевского статуса. Раньше наградные медали были редки и вызывали у окружающих уважение и почтение.

Служба в Санкт-Петербурге во многом наилучшим образом послужила и отразилась в дальнейшем самоопределении и выборе жизненной позиции заслуженного унтер-офицера, обладателя двух императорских наград.

Закончив службу в сентябре 1899 года, Иван Павлович уволился в первобытное состояние и вернулся домой в деревню Зырянская. Дед Павел и бабушка Екатерина были горды за своего сына. Статный, высокий, крепкий Иван Павлович был в деревне человек приметный, видный и грамотный. Именно грамота, природная хватка, умение применить в своем хозяйстве новые методы хозяйствования, позаимствованные из журналов и газет, позволили ему впоследствии создать неплохое собственное хозяйство.

В 1900 году, на Рождество, отставной унтер-офицер обвенчался с Анной Петровной Баженовой – местной девушкой из зажиточной крестьянской семьи.

Впоследствии их дочь Лидия и младший сын Виктор вспоминали: «Отец и мать любили и уважали друг друга, жили дружно, все спорилось в их руках. В своем хозяйстве они работали не покладая рук, не считаясь с праздниками, не стыдясь осуждения религиозных соседей. Это же трудолюбие и любовь к порядку они привили и нам, детям. Получив в наследство старый домик на две комнаты, корову, борону, и самодельный плуг-сабан, родители благодаря своему трудолюбию завели лошадей, купили жатку, расширили дом».

Трудолюбие, энергичность, внедрение новаций ставило Ивана Павловича на порядок выше многих односельчан и, что немаловажно, в выгодное положение семьи в достатке. Выращивание крупнорогатого скота и маленьких телят способствовало развитию своего дела. В то время такое занятие приносило хорошие дивиденды и полный успех. Это позволило в дальнейшем оплачивать обучение в Камышловской женской гимназии старшей дочери Агафьи Ивановны.

Анна Петровна, по отзывам односельчан, имела доброе сердце и золотые руки. В отношении к окружающим и детям ее отличала большая чуткость, заботливость и добродушие. Она

умело воспитывала детей, а также обладала каким-то особенным даром сближать и роднить всех, кто ее окружал. В семье всегда был удивительный порядок.

Первым ребенком в семье Ивана Павловича и Анны Петровны стала дочь Агафья, родившаяся 18 февраля 1901 года. После рождения двух дочерей, Агафьи и Лидии, на свет появился третий ребенок, сын, которого нарекли Никанором.

Иван Павлович был рад и горд, что, наконец, появился наследник, продолжатель рода и фамилии, которого он так долго ждал. Отец возлагал на сына большие надежды.

Никанор, или, как домашние называли его – Ника, рос крепким, здоровым сероглазым мальчишкой. Развивался он не по годам быстро, был любознателен, оживлен и энергичен. Уже к шести годам с помощью старших сестер он научился читать и писать. Особенно ему нравились уроки чистописания и грамматики, проводимые старшей сестрой Агафьей, которая позднее привила ему любовь к чтению книг.

Впоследствии сестра Лидия вспоминала: «Нам, родным, на всю жизнь запомнились зимние вечера детских лет. Зимой работ в крестьянском хозяйстве значительно меньше, нежели во время весеннего сева, в сенокос или страдную пору уборки. Поэтому вечерами, когда синие зимние сумерки обволакивали деревенскую улицу и в окна начинала заглядывать луна, дети собирались у печки, в которой потрескивали дрова и полыхало жаркое пламя. Отец рассказывал о похождениях русского богатыря Ильи Муромца, о бесстрашии Евпатия Коловрата и матроса Кошки, о героях русско-турецкой войны – все то, что ему было известно из народных преданий, о чем узнал в армии».

Особенно дети с восторгом слушали рассказы отца о службе в царской армии, о столичном Санкт-Петербурге с особенной архитектурой и разводными мостами, о городских достопримечательностях. Дети часто просили отца рассказать, за что он награжден царскими наградами. В культурном отношении он стоял на целую голову выше своих односельчан.

Девизом Ивана Павловича была культура. Культура в хозяйстве, в быту, в обществе. Стремление к культуре помогло ему преодолеть все существующие в те времена препятствия. Он стремился к общению с сельской интеллигенцией волостного села Балаир. Дружил с фельдшером Ершовым, с учителями, волостным писарем и с духовенством. Иван Павлович принимал активное участие в создании потребительского общества в 1912 году, несколько позднее был одним из организаторов волостного Балаирского кредитного товарищества. Он понимал значение образования и нововведений и тянулся ко всему новому.

Когда начали практиковать зяблевую вспашку, он впервые применил этот метод по обработке земли, купил плуг, что позволило ему повысить качество обработки почвы.

Баженова Татьяна Ивановна из деревни Зырянка повествует о событиях той поры: «Летом, в покосную страду сельчане вставали рано утром, чтобы собрать подводы, запрячь лошадей, приготовить инвентарь. Покосы находились вдали от деревни, приходилось жить и работать неделями на стане. Иван Павлович в такое жаркое время с вечера ложился спать на широкой лавке у входной двери, а под голову обязательно подкладывал осиновое полено, чтобы не проспать, тем самым имел чуткий сон. Детей своих он сизмальства приучал к труду и упорству».

По прошествии некоторого времени именно на сельском сходе в 1917 году односельчане единодушно избрали Ивана Кузнецова старостой, ввиду того что он обладал грамотой и имел хорошее хозяйство. В дальнейшем это привело к ряду трагических и непоправимых событий для семьи Кузнецовых.

До революции по торжественным семейным датам и православным праздникам Иван Павлович обязательно надевал свой старый военный мундир с наградами.

Частым гостем в семье Кузнецовых был Иван Алексеевич Жуков, муж племянницы Ивана Павловича. Жуков работал на Ертарском стекольном заводе, позднее самостоятельно

окончил по заочной системе Талицкую лесную школу и перешел на должность лесничего в Шадринский уезд.

Общение с Жуковым принесло в семью Ивана Павловича новые стремления и надежды. Жуков первым посоветовал отдать старшую сестру Гасю учиться в женскую гимназию, находившуюся в уездном городе Камышлов, чтобы впоследствии она стала сельской учительницей. В своих задушевных разговорах с Иваном Жуковым Кузнецов неоднократно высказывал заветную мечту – дать образование всем своим детям. Позже именно Иван Алексеевич Жуков наставлял маленького Никанора, чтобы он учился, всячески способствовал ему в этом наставлениями, советами и поддержкой.

Вторым ребенком в семье Ивана Павловича стала дочь Лидия, родившаяся в 1908 году. Она окончила Балаирскую пятилетнюю школу, дальше продолжить образование по ряду причин не получилось. До 1928 года она трудилась в домашнем хозяйстве семьи, позднее окончила курсы машинописи в Тюмени. Работала секретарем в сельсовете, потом машинисткой в Свердловске.

Спустя три года после рождения Лидии в семье Ивана Кузнецова появился третий ребенок – сын, которого называли Никанором. До революции по обычаям родившихся детей нарекали именами, согласно христианским святым праздникам. Существует несколько версий по поводу даты рождения Никанора. Согласно записям в метрической книге на 1916 год, составленной священнослужителем Кузовниковым и дьяконом Малышевым, «имя родившегося – Никанор, 28 июля, 4-х лет. Деревня Зырянская, крестившие – Иван Павлович Кузнецов, законная жена Анна Петровна, оба православные. Таинство крещения совершил Михаил Кузовников. При миропомазании находились крестники Михаил Иванович Зобнин и Иван Васильевич Широковских».

Священнослужитель составил запись, где год и дата рождения не совпадают с последующими упоминаниями в его личных документах. В итоге, даже несколько лет спустя, в некоторых записях и письмах встречается 1912 год, как год рождения Никанора. А также имелись расхождения с числом рождения – согласно старому стилю, дата рождения значилась 9 августа.

В 1916 году дочери Лидии потребовалась метрическая справка, поэтому Иван Павлович в волостном селе Балаир в местной церкви особым обрядом окрестил своих детей – Лидию 8-и лет, четырехлетнего Никанора и двухгодовалого Виктора.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1916 г.

Счетъ родившихся.		Вѣсѣцъ и день		Имена родившихся.	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какія въкресовѣданія.
Мужскаго пола.	Женскаго пола.	рождающагося.	крещеннаго.		
"	74	приосвѣщен.	11.	Лидія Ванна Ивановна. (23 ^{го} августа).	Деревни Зуримской приосвѣщен. Пивновъ Курбичевъ и его законная жена Анна Петровна обо приосвѣщен.
75	"	приосвѣщен.	11.	Никанора (28 ^{го} июля) Числа не имѣетъ.	Сретенскаго приосвѣщен. Рязанск. Иоаннъ Максимовъ Деревни Зуримской приосвѣщен. Пивновъ Курбичевъ и его законная жена Анна Петровна обо приосвѣщен.
76	"	приосвѣщен.	11.	Викторъ Ванна Ивановна. (16 ^{го} сентября)	Сретенскаго приосвѣщен. Рязанск. Иоаннъ Максимовъ Деревни Зуримской приосвѣщен. Пивновъ Курбичевъ и его законная жена Анна Петровна обо приосвѣщен.

Въ записи приосвѣщен. Н. Н. как законная жена

Запись в Метрической книге о крещении Лидии, Никанора, Виктора Кузнецовых. 1916 год
(Публикуется впервые)

Позднее в письме в Тюменский окружком от 31 января 1930 года Никанор собственноручно поставил дату своего рождения – 28 августа 1911 года. По воспоминаниям близких родственников, датой рождения считалось 9 августа, по старому стилю. При всех этих разногласиях, согласно воспоминаниям сестры Лидии и брата Виктора, датой рождения Кузнецова Николая Ивановича принято считать 27 июля 1911 года.

Четвертый ребенок в семье, сын Виктор, появился в 1913 году.

Никанор с детства отличался хорошей памятью, легко разучивал объемные стихотворения и народные сказания, любил их декламировать в кругу родных и знакомых. Особенно ему нравились героические стихи, отражающие подвиги русского народа. Житель соседней деревни Рухловой Георгий Чудинов позже вспоминал: «В праздничные дни в доме Кузнецовых

нередко можно было видеть такую сцену – стоит на стуле маленький Ника и звонким голосом рассказывает лермонтовское «Бородино» или «Братьев-разбойников» Пушкина».

В то время Россия была втянута в Первую мировую войну и переживала непростой период как в экономическом, так и в политическом плане. Иван Павлович по возрастному пределу мобилизации на фронт не подлежал, но обостренное патриотическое чувство сохранил, на сельских сходах неоднократно высказывал свое мнение. К тому времени хозяйство Ивана Кузнецова считалось зажиточным.

Осенью 1918 года Ника в возрасте семи лет начал учиться в начальной земской трехклассной школе в родной деревне Зырянская. По воспоминаниям родных, за первый класс он уже имел знания, получив их дома от Агафьи. В шесть лет он уже умел бойко читать и писать. В сельской школе был один отдельный класс, детей на тот период училось около тридцати. С самого начала учебы Никанор был одним из лучших учеников. Если учительница хотела провести чтение материала вслух или повторить изученное, то ее выбор всегда падал на способного Нику.

Соученица по Зырянской школе, Федюнинских Александра, вспоминала: «Бывало, возьмет книги в руки, сделает такой серьезный вид и говорит: «Все равно буду инженером!». На уроках Ника был внимательным, на лету схватывал объяснения учителя, первым поднимал руку, чтобы ответить на вопрос. А сколько стихов знал на память – уйму!».

Родственница Кузнецова Л. В. вспоминала: «Приехала я в Зырянку к мужу в 1918 году. Присмотрелась к деревенским ребятишкам. Мне как-то сразу очень понравились дети Ивана Павловича и Анны Петровны. Жили мы тогда через один дом от них, и нельзя было не заметить, как умно ребята вели себя среди взрослых. Ника учился в первом классе, а придет домой после учебы, поест и за работу – то с крыльца сметет, то во дворе уберет, то снег отбросит, коней сгоняет на водопой. В страдную пору сенокоса и уборки урожая Ника работал вместе со взрослыми».

В преддверии 1917 года Россия вступила в революционный ход истории. В Камышловском уезде среди солдат, возвращающихся с фронта, были такие, кто называл себя большевиками. Это были бывшие сельские кузнецы, батраки, беднота.

Послереволюционный период на Урале и в Сибири проходил в ожесточенной классовой борьбе. Недолго просуществовала Советская власть. В Екатеринбурге было создано контрреволюционное «Уральское областное правительство» и в ноябре 1918 года установлена диктатура адмирала Колчака. На сельском сходе в деревне Зырянская старостой местного земельного общества односельчанами был избран Иван Павлович. Это возлагало немалую ответственность на него. Урядником в Балаирской волости на то время был Васильев Михаил, также представляющий местную власть. Установленное правительство и диктатура Колчака вносили свои изменения и порядки.

Именно избрание односельчанами Ивана Кузнецова старостой и послужило началу трагических событий для его семьи, что впоследствии отразилось на детях и имело непредсказуемые последствия. Ивану Павловичу совместно с урядником и другими представителями волостного правления приходилось по роду занимаемого поста решать множество вопросов, связанных с местным бытом и порядками, вести документальный отчет и принимать решения.

Летом 1919 года положение на фронтах резко изменилось, регулярные части Красной Армии перешли в наступление, а белогвардейцы и интервенты начали отступать. В июне тревожные слухи потрясли население Урала, в том числе и Камышловский уезд. Беженцы, купцы, барыни, оставившие в центральных районах России свои поместья и усадьбы, отступали на восток. Вся эта огромная масса людей перемещалась в направлении Красноярска и Хабаровска в вагонах по железной дороге, по Сибирскому тракту на лошадях и пешком.

В прифронтовой полосе Урала и Зауралья колчаковские представители вели усиленную пропаганду о вымышленных зверствах комиссаров, рассказывали о терроре, который несут большевики.

По воспоминаниям очевидцев, в тот период Сибирский тракт превратился в гудящий рой, не умолкающий даже ночью. Обозы и подводы двигались в два–три ряда, не считая пеших.

В первых числах июля 1919 года Иван Павлович, оставив свой пост старосты и поддавшись уговорам и советам родственника, богатого купца Маранина С. Е., решил временно эвакуироваться с семьей в Сибирь, вместе с отступавшими колчаковцами и гражданским населением. Не разобрался Иван Кузнецов в этой непростой политической обстановке, поддался общему встревоженному настроению, согласился с наставлениями купца Семена Маранина из Талицы. Собрал самый необходимый домашний скарб, погрузил его на две подводы, на третью посадил Анну Петровну с детьми и направился в сторону Тюмени. Дом и хозяйство оставил под присмотром старого деда Павла, своего отца. Часть имущества раздал родственникам на хранение. Изначально Иван Кузнецов предполагал добраться до Тюмени и повернуть в сторону Тобольска. В Тобольске жили родственники – купцы Плотниковы, с помощью которых Иван Павлович надеялся на пароходе по реке Иртыш добраться до Омска.

Ввиду того что наступление Красной Армии велось интенсивным методом, пришлось и Кузнецовым менять план эвакуации. Под Омском колчаковцы начали бесцеремонно грабить мирное население. Забрали всех лошадей и у Кузнецовых, а Ивана Павловича в подводы, так как не пожелал просто отдать лошадей. Анне Петровне с детьми пришлось возвращаться домой, в родное село.

Курс «гражданской академии», как потом говорил сам Иван Павлович, закончился для него под Красноярском. Колчаковцы под угрозой расстрела забрали у него лошадей. На железнодорожной станции случай свел его с рабочим депо Неволиным. Железнодорожник помог Ивану Кузнецову с пропитанием и жильем, а также разъяснил, что Советская власть дает землю крестьянам.

Вступив добровольно в части войск 5-й Красной армии, Иван Кузнецов принимал участие в боях с колчаковцами в районе города Красноярска. Позже он был зачислен в подразделение военно-полевого строительства в звании красноармейца. В удостоверении №738 от 16 марта 1920 года, выданном Кузнецову И. П. Управлением военно-полевого строительства 5-й армии г. Красноярска, значится: «семья названного красноармейца освобождается от всех видов налогов, кроме натурального внесения квартирной платы за время пребывания тов. Кузнецова в Красной Армии, имущество ее ни конфискации, ни реквизиции не подлежит, нетрудоспособным членам семьи должен выдаваться установленный паек со дня поступления тов. Кузнецова в Красную Армию, что подписью и приложением печати удостоверяется. Настоящее удостоверение выдано товарищу Кузнецову на руки для пересылки семье или родственникам, состоящим на его иждивении».

Данное удостоверение Иван Павлович выслал домой семье, чтобы на детей можно было получать паек, и тем самым временно обезопасил семью от раскулачивания. На тот период существовала реальная угроза реквизиции и раскулачивания над домом семьи Кузнецовых. Анне Петровне не раз пришлось отбивать нападки и посягательства отдельных агрессивно настроенных односельчан, которые ввиду неприязни проводили враждебную политику к семье Кузнецовых.

Иван Павлович, находясь уже в Красной Армии в районе г. Красноярска, заболел тифом и длительное время лечился в госпитале в специальном отделении. В это время молодой фельдшер Вильгельм Краузе вместе с госпиталем, в котором он служил, перебазировался в пригород Красноярска. Краузе занимался лечением раненых и больных тифом. Возможно, что в этом госпитале и могла произойти первая встреча старого солдата и фельдшера с немецкой фамилией. Была ли это случайность или повеление судьбы, остается загадкой.

В марте 1920 года, согласно удостоверению №871 г. Красноярск: «Красноармеец Кузнецов Иван действительно достиг 45-летнего возраста, вследствие чего, в исполнение приказа войскам 5-й Армии от 2 марта с.г. за №33, уволен в первобытное состояние». Измученный длительной разлукой с семьей и домом, Иван Павлович вернулся в родную деревню. Вернулся налегке, с котомкой за плечами, чтобы заново поднимать пришедшее в упадок хозяйство. К тому времени старенького деда Павла в живых уже не было. По воспоминаниям родных, отец глубоко переживал свое «отступление», впоследствии отразившееся на его здоровье.

Осенью 1920 года Никанор Кузнецов после вынужденного перерыва начинает учиться во втором классе. В этот период старшая сестра Агафья приступила к работе уже в качестве учительницы начальных классов в школе родной деревни. Никанор приступил к занятиям с уверенностью и желанием учиться. Во время перерыва старшая сестра проводила регулярные уроки с Никой во избежание отставания от школьной программы обучения.

Кузнецова Агафья Ивановна (1901 – 1970)

Длительное время работала учительницей в сельских школах. В годы Великой Отечественной войны работала на ответственной должности по доставке и сопровождению пшеницы и продовольствия. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Из воспоминаний Агафьи Ивановны: «Когда родился Никанор, мне было уже 11 лет, родители наши были крестьяне, время проводили в работе, и я со дня рождения брата была у него няней. Никоша рос смышленным, как и все крестьянские дети любил землю, лес, был любознательным, собирал коллекции насекомых и различных трав. Летом всегда помогал отцу в полевых работах».

Благодаря усилиям и письменной протекции купца Семена Маранина, Агафья была определена на первоначальное обучение воспитанницей в Камышловскую женскую гимназию на полный гимназический курс. С начала обучения Агафьи и в последующие годы в доме Кузнецовых появились первые книги, к которым относились весьма бережно.

С того времени Агафья, или как домашние называли ее – Гася, стала для маленького Никанора первой учительницей и наставницей, задолго до школы научила его читать и писать, привила с детства любовь к книгам. Когда отец привозил Гасю домой на каникулы, она часами занималась с Никой обязательными предметами – русским языком и словесностью, начальной арифметикой и чистописанием. Долгими зимними вечерами она читала вслух интересные книги, рассказывала о гимназии.

Успешно окончив шесть классов женской гимназии, в 1918 году Агафья приступает к работе учительницей в своей родной деревне. С первых дней она принимает активное участие в общественной жизни села, постоянно проводит ликбез, читает газеты, является бессменным суфлером драмкружка.

В 20-х годах в стране происходят огромные перемены как в политическом, так и в экономическом направлении. Большими темпами проводилась ликвидация разрухи, восстанавливалось народное хозяйство, планомерно осуществлялась электрификация промышленной системы и, как следствие, развивалась тяжелая промышленность, кооперация в деревне. В это время коммунистами, беднотой и батрачеством на бывших землях служителей церкви, между селом Балаир и деревней Зырянка, была организована коммуна «Красный пахарь».

По воспоминаниям Харитоновой Николая, который с 1927 по 1931 год был секретарем партийной организации и председателем правления коммуны: «Первоначально в коммуне объединилось до 20 семей из Балаира, Зырянки и Рухловой. Первые пять-шесть лет коммунары чрезвычайно бедствовали от недостатка тягла, инвентаря, жилья, опыта коллективной жизни и хозяйства».

В этом же году Иван Павлович начинает поднимать свое хозяйство, купили старенькую лошадь, собрали от знакомых и родственников отданный раньше на хранение инвентарь и скарб. Встал вопрос – как приобрести корову и возделывать земельную пашню. Все эти навалившиеся проблемы заслуженный унтер-офицер преодолел в кратчайший срок, благодаря своему трудолюбию и стремлению к новым методам ведения личного хозяйства.

На одном из собраний, которое проводило местное волостное правление, решался вопрос о принудительном отчуждении части дома Ивана Кузнецова под деревенскую читальню. Раньше этот факт преподносился читателям в ином, смягченном варианте. Это были первые звенья из цепочки отношения к Кузнецову И.П. как к «классовому врагу». Иван Павлович был не в силах противостоять решению волостного правления большевиков, с болью в душе был вынужден подчиниться и предоставить две горницы под деревенскую читальню. Новая власть не считалась и не церемонилась с зажиточными и инакомыслящими. Не предполагал Иван Кузнецов, что такое классовое презрение, что нападки и доносы со стороны отдельных односельчан коснутся его и отразятся на всей семье. Наверное, в то время Иван Павлович впервые почувствовал признаки болезни.

В своем личном хозяйстве Кузнецов применил новую дальновидную тактику и смекалку. Советская власть позволила крестьянам выращивать скот, хлеб, а также различные сельскохозяйственные культуры. В частности, способствовало развитию и выращиванию заготовок семян клевера. Система контрактации, как форма государственных закупок сельскохозяйственной продукции, предусматривала денежную оплату за выращенные и собранные семена клевера, чем и воспользовался Иван Павлович. Он один из первых в волости стал сеять и выращивать клевер.

Следующие шаги Иван Кузнецов предпринял в развитии и обустройстве пчелиной пасеки, что позволило иметь постоянный доход от продажи меда и воска. Все свои методы и

навыки по уходу за пчелами и ульями Иван Павлович передал старшей дочери Агафье. Она с юных лет стала самой незаменимой помощницей в хозяйстве, легко освоила наставления отца по уходу за пчелами и сохранила все эти знания на всю жизнь. Уже, будучи на пенсии, проживая в Тюменской области, Агафья Ивановна знала многие тонкости в работе с пчелами, ухаживала за ними на своей домашней пасеке.

Под началом старшей сестры Ника закончил на «хорошо» второй и третий классы. Знания давались ему легко, потому что он был дисциплинированным и подготовленным учеником. Школа в Зырянке была трехклассная, а в соседнем селе Балаир – с пяти классами обучения. В отличие от многих односельчан, образование в семье Кузнецовых считалось делом серьезным. Во многих книжных изданиях о Кузнецове утверждается, что Ника обучение в четвертом и пятом классах продолжал в сельской школе Балаира. Но существует и другая версия – в балаирской школе было тоже только три класса. Школьную программу обучения четвертого и пятого классов Нике преподавала Гася. Если это так, то с этой задачей Агафья справилась блестяще.

Феноменальная слуховая и визуальная память позволила Никоше легко осваивать как школьную программу, так и дополнительное чтение книг, заучивание стихов. Он без особого напряжения запоминал и пересказывал вслух дословно объемное стихотворение или литературный текст. Держал в памяти большое количество выученных произведений. Домашние видели эту одаренность и всячески поддерживали в дальнейшем. Из воспоминаний родных: «Приезжавший к нам в гости лесничий И. А. Жуков с любовью следил за успехами в развитии начитанного мальчика. Сам, будучи знатоком природы, увлекательно рассказывал Нике забавные истории о жизни леса, зверей и птиц. Свой разговор Жуков обычно начинал с загадок: ты знаешь, о чем шепчет осина в безветренный день?»

Жуков Иван Алексеевич – лесничий, окончил заочно лесную школу. Принимал участие на строительстве объектов в г. Свердловске.

Жуков состоял в родственных отношениях с семьей Кузнецовых, был женат на Баженовой Марии Васильевне – родной племяннице Ивана Павловича. Он работал на Ертарском стекольном заводе и постоянно приезжал в Зырянку к Кузнецовым. Основательный, мастеровой, интеллигентный, Жуков носил выходной костюм из лучшего сукна, карманные часы на цепочке, кольцо. С первого взгляда и не сказать, что это рабочий с завода. Он много читал, заочно учился на лесничего в Талицкой лесной школе. Отличала его скромность и в высокой степени достойное отношение к своему внешнему виду.

Иван Алексеевич с любовью относился к маленькому Нике, постоянно рассказывал ему, как бережно надо относиться к лесу, объяснял, как нужно собирать гербарий, как различать породы деревьев. Когда появлялась возможность, брал в лес с собой юного Нику, учил ориентироваться в лесу. Он объяснял: «Береза – это нянька, если вы хотите посадить другие деревья, надо рядом посадить березу, тогда эти деревья вырастут, и береза будет о них заботиться. Если надо садить по три штуки с промежутком». Ника был благодарен Жукову за то, что он открыл ему жизнь леса.

Позднее, после успешного окончания лесной школы, Иван Жуков был направлен на работу в должности лесничего на кордон «Осинники», который находился в 18 километрах от Талицы. На этом кордоне был лагерь для военнопленных Первой мировой войны, в котором находились немцы и австрийцы. Из рассказов Ивана Алексеевича Никанор узнал, что в лагерных бараках живут военнопленные, которые разговаривают на немецком языке, что территория вокруг барачных убирается с немецкой аккуратностью и что немцы – культурная нация. Военнопленные принимали участие во всех видах лесных работ под руководством местных лесников, поэтому между ними были непосредственные отношения.

Иван Павлович и Анна Петровна разрешали Жуковым иногда брать с собой в гости Нику. В очередной раз, во время каникул, Никоша сам попросился в гости к дяде Ване Жукову на

лесной кордон «Осинники», где впервые близко и воочию увидел военнопленных немцев и австрийцев. Здесь он впервые услышал немецкую речь, его внимание было направлено на то, как иностранцы общались между собой. Ника был заворожен фонетическими особенностями немецкой речи и выразительностью немецкой лексики. Он впервые увидел, как пленные после напряженного рабочего дня пели немецкие песни возле костра. Его непревзойденная память отчетливо фиксировала все вновь увиденное и услышанное. Позднее Ника еще долго расспрашивал Жукова о жизни военнопленных, об их быте и национальных особенностях, и дядя охотно с пониманием отвечал на заданные вопросы.

По складу характера и человеческому взаимопониманию Иван Жуков относился к военнопленным без злорадства. В дальнейшем, когда пленные будут отпущены на поселение в соседние деревни, Иван Алексеевич некоторым из них окажет помощь в трудоустройстве и быте.

Военнопленные Первой мировой: немцы, австрийцы, чехи – содержались в лагерях, которые были расположены во многих губерниях России. Изначально военнопленные содержались в лагерях под охраной с обязательной трудовой повинностью. Несколько таких лагерей находились в Камышловском уезде, недалеко от заводского поселка Талица. Военнопленные выполняли тяжелый физический труд на заготовках леса, рыли противопожарные рвы, расчищали лесные завалы. Позднее по решению Совнаркома пленные из лагерей были выпущены на поселение в соседние деревни и лесные кордоны. Часть этих военнопленных, уже находясь на поселении, женились на местных девушках, обзавелись своим хозяйством, стали вести полноценную трудовую деятельность и семейный уклад жизни.

На календаре стоял 1924 год. Еще летом Иван Павлович после совета с домашними твердо решил, что Ника будет учиться дальше. Имущественное положение семьи позволяло оплачивать за снятый угол на квартире, справить одежду и купить самое необходимое. Иван Павлович чувствовал, что болезнь стала все чаще напоминать о себе, и изо всех сил старался воплотить в жизнь свою отцовскую мечту – дать образование Нике. Единственная общеобразовательная семилетняя школа находилась в заводском поселке Талица (ныне город Талица Свердловской области), в 22 верстах от Зырянки.

Особенно настоятельно желание Ивана Павловича поддерживала Агафья и семья Жуковых. Агафья по роду профессии была знакома с учителями Талицкой семилетней школы. Проявив инициативу, она заранее узнала у директора школы Снегиревой Анны Зиновьевны, какие документы нужно подготовить для ученика из сельской школы. Родители нашли съемный угол в Талице для сына, благодаря знакомым договорились с хозяйкой дома Прохоровой Александрой Васильевной. К началу учебного года, собрав и приготовив все необходимое, Ника переезжает в Талицу.

С этой осени забот в семье Кузнецовых прибавилось – нужно было платить хозяйке за снятый угол, привозить ученику продукты, сшить одежду и обувь. Да и расстояние от Зырянки до Талицы стоило времени и хлопот. В то время совсем немногие из окрестных деревень могли позволить своим детям такое. В шестом классе с Никой учились только трое приезжих из сельской местности.

По дороге из Зырянки в Талицу в последних числах августа Иван Павлович спокойно и обстоятельно давал сыну наказания, чтобы тот не забывал про учебу, не нарушал дисциплины, был честен в большом и малом.

«За правдой пойдешь – счастье найдешь, – говорил Иван Павлович, – смелость... она ведь начинается от правды. Помни это, смелость – не бесшабашность, не озорство».

Семья Прохоровых проживала в доме на улице Большие Пески. Муж, Константин Иванович, погиб в Гражданскую войну от рук колчаковцев. Один из сыновей хозяйки, Николай Прохоров, оказался одноклассником Ники. Братья Прохоровы помогали приезжему парнишке из глухой деревни освоиться в Талице. В первые дни проживания в доме Прохоровых выясни-

лось, что Ника по ночам нередко разговаривал во сне. Эта особенная черта оставалась у Кузнецова вплоть до периода подготовки выхода в оккупированный г. Ровно в форме немецкого офицера. Избавление от этой привычки потребует от Кузнецова невероятных усилий, но об это упомянем позже.

Заводской поселок Талица, или как его называли местные жители – Талицкий Завод, расположился вдоль речки Пышма. В Талице находился большой винокуренный завод, принадлежавший до революции семье крупного промышленника Альфонса Поклевского-Козелл. Завод производил несколько сортов пива и других винных напитков. В центре Талицы находился городской пруд, примыкающий к парку-дендрарию, возведенному преподавателями и студентами лесной школы под руководством Сергея Григорьевича Вронского. Позднее лесная школа была переименована в Талицкий лесотехникум. Учащиеся этого техникума отличались независимым, особенным форменным видом.

На центральной площади, на берегу пруда, находилась (и ныне там находится) семилетняя школа с просторными, светлыми классами, обширной по тем временам библиотекой и большим полуподвальным помещением. Заведующей школой и по совместительству Председателем Школьного Совета являлась Снегирева Анна Зиновьевна. В то время школа именовалась Талицкой Советской Трудовой Школой Семилеткой №1.

На первом уроке в шестом классе заведующая школой объявила, что в классе появились новые ученики и, представив их классу, пожелала успехов в учебе. Также Анна Зиновьевна объяснила, что в этом учебном году появятся новые предметы – физика, обществоведение и немецкий язык. В то время программа обучения состояла из тринадцати дисциплин. Коллектив школьных педагогов состоял из опытных, квалифицированных специалистов.

С первых уроков учителя стали отмечать, что новичок Кузнецов Ника, несмотря на оживленный характер, на уроках предельно внимателен, слушает учителей не сводя глаз, собранный и наблюдательный мальчик. Эти черты Ника будет развивать в себе постоянно. Уже позднее, выполняя ответственные задания Центра, в сложнейших ситуациях именно собранность, наблюдательность, мгновенная реакция позволяли успешно выполнять поставленные задачи.

Из дневника учительницы Машановой Елизаветы Зиновьевны: «Новичок – собранный мальчик, с большими задатками, подготовлен для учебы хорошо, при живости характера, на удивление внимателен». Ника быстро освоился в школе, хотя, на первый взгляд, простому мальчишке из глухой деревни легко можно затеряться в таком большом коллективе среди сверстников. В короткий период он стал заметным учеником в школе, быстро нашел общий язык с одноклассниками, стал объектом пристального доверительного внимания многих учителей.

Немецкий язык в школе преподавала Автократова Нина Николаевна. Проживая длительное время с мужем за границей, она окончила университет в Швейцарии и в совершенстве владела немецким и французским языками. Супруг Нины Николаевны, врач с хорошей репутацией, занимался медицинской практикой. Еще до революции из Европы в уральский заводской поселок Талица семью Автократовых переманил магнат Поклевский-Козелл. В Талице проживала многочисленная польская колония: управляющие, инженеры, виноделы, пивовары. Для медицинского обслуживания этих специалистов и их семей и был выписан из Европы врач Автократов.

Позже, когда в Талице установилась Советская власть, Нина Николаевна, перенеся трагические события, так и осталась в заводском поселке, преподавая в школе. Она впервые столкнулась с таким особенным учеником по имени Ника. С первых уроков немецкого Ника проявил свои лингвистические способности. Хорошая слуховая и зрительная память позволяла ему усваивать произношения, запоминать написание слов. Нередко на перемене после урока Никоша расспрашивал Нину Николаевну, как правильно произносить те или иные слова и сочетания. На глазах многих удивленных учеников Ника часто провожал учителя до учитель-

ской, задавая на ходу вопросы. Автократова с пониманием разъясняла и подсказывала любознательному ученику основы познания немецкого языка. По успеваемости и освоению немецкого во всей школе учащийся шестого класса Ника Кузнецов остался непревзойденным.

Из воспоминаний соученицы Брюхановой (Брусковой) Софьи Иосифовны: «На одном из уроков немецкого языка Ника спросил Нину Николаевну: «Можно мне научиться говорить по-немецки так, как вы?». На что она ответила: «Можешь, ты сможешь произносить немецкую речь с истинным немецким диалектом, если будешь общаться с исконными немцами». В классе наступила пауза, Нина Николаевна пояснила – чтобы освоить немецкий язык, необходимо постоянно практиковаться в произношении, регулярно посещать занятия, учиться читать и писать немецкие слова».

Соученица по шестому и седьмому классам Евгения Шульгина вспоминала: «Ника обладал исключительной памятью. Например, он мог почти дословно повторить за учителем рассказанное. Особенно он поражал нас на уроках немецкого языка, всегда говорил, что это его любимый предмет. Хотя язык чужой, грамматика трудная, и большинству из нас с великим трудом удавалось выучить заданные слова или перевести текст, а он блестяще усваивал объяснения учителя и в этом был нам примером. Ника легко заучивал длинные стихотворения и любил декламировать среди нас, особенно часто читал «Бородино», «Мцыри» Лермонтова, «Песню о соколе» Горького, «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Он всегда был инициатором проводимых в то время разного рода субботников».

Ника много времени уделял чтению книг и был частым посетителем школьной библиотеки. С начальных классов он вел запись прочитанных им книг. Ника составил для себя распорядок дня и придерживался этого плана, выполняя намеченное в установленное время.

Помимо школьной программы в школе велась дополнительная внеклассная работа с детьми, работали кружки: драматический, физкультурный, хоровое пение. Педагогом и наставницей драматического кружка была преподаватель русского языка и литературы Яблонская Фаина Александровна, выпускница Казанского университета. Несмотря на свой молодой возраст, она была знатоком русской литературы. Многие учащиеся школы принимали участие в постановках театральных пьес и спектаклей, а старшая группа часто выступала с литмонтажом на революционную тему перед всей школой. Довольно часто школьная театральная группа и ее наставница выезжали в ближайшие деревни для постановки пьес.

Активное участие в театрализованных постановках принимал Никоша Кузнецов. Благодаря превосходной памяти, он без особого труда запоминал объемный текст персонажей, сыгранных им. Репертуар постановок был самый разнообразный. По воспоминаниям соучеников Ника играл в пьесах Чехова «Канитель» и «Медведь». Позже с большим увлечением Ника сыграл роль белогвардейского офицера, надменного и жестокого, в пьесе «Любовь Яровая».

О школьных годах тех лет авторам многократно рассказывала соученица Никоши Кузнецова – Брюханова (Брускова) Соня: «В классе мальчишки сидели в одном ряду, и два ряда занимали девчонки. Время было трудное, разруха, голод, страна только начинала восстанавливаться после Гражданской войны, в школе не было дров, холодно. Мы, учащиеся, приносили в школу по полену дров из дома. Мы голодные, учителя тоже голодали, им зарплату не выплачивали. В нашем классе было трое из села, среди них Ника Кузнецов и Сережа Хухарев. Учебники и письменные принадлежности у них имелись, но самое характерное качество я запомнила на всю жизнь, как Ника с Сережей приносили с собой в школу хлеб и всегда хлебом делились с нами, одноклассниками. Но, несмотря на эти трудные времена, мы с большим, огромным желанием учились и с уважением относились к учителям.

Никоша, как мы ласково его называли, был всегда подтянут, стройная осанка, он обладал отличной памятью и быстрой реакцией на поставленное учителем задание.

Его твердое увлечение немецким языком в школе считали и расценивали как блажь или какое-то ненормальное, причудливое явление. Много раз в классе и в школе Ника подвергался

насмешкам и всевозможным провокационным нападкам, но всегда уверенно и хладнокровно отвечал: «Ну и что в этом плохого? Тебе кто запрещает учить немецкий? Сам не учишь, так другим не мешай».

«Ника, зачем тебе нужен этот «вас ис дас», «фурдер-бурдер?», язык только ломать», – спрашивали одноклассники. Но отвлечь или помешать ему выполнить задуманное никто не мог. Вся школа, и мы одноклассники знали, что помимо учебной программы изучения немецкого языка Никоша ходит на дополнительные занятия к заведующему аптекой Краузе. Ника был развит не по годам. Если учителю было необходимо читать текст вслух, то постоянно эта обязанность ложилась на плечи старосты класса Ольги Жигаловой и способного Ники Кузнецова». Все эти качества выделяли простого учащегося из далекой, глухой деревни от общего числа соучеников. Отношение к хлебу, переданное ему отцом и матерью, у Ники было и оставалось неизменно особым и уважительным. В школе, а позднее и в техникуме не один раз свое отношение к хлебу Никанор проявлял только с достойной стороны.

В своем классе и в школе Ника Кузнецов освоился на удивление быстро. Его не тяготило то обстоятельство, что он реже стал видеть своих родных, все основное время он с удовольствием занимался учебой. Довольно часто после окончания уроков Ника рассказывал соученикам о деревенском быте, чем занимаются односельчане и, конечно же, неизменно вслух декламировал объемные стихотворения, чем вызывал восхищенные взгляды окружающих.

От одноклассников Ника узнает, что в Талице существует кружок эсперанто. Этот факт непременно привлек его внимание. Ника не упускает возможности посещать занятия по изучению этого международного языка. Одноклассники над ним насмехались, но упорный и прилежный ученик продолжал настойчиво осваивать немецкую речь. Стремление изучать иностранные языки со временем перерастет в более углубленное профессиональное направление по освоению немецкой классической лексики. Позднее, не раз общаясь с немецкими специалистами в Свердловске, затем в Москве, далее, в годы войны, находясь в глубоком тылу германской армии, он на память читал произведения немецких классиков Шиллера, Гетте с берлинским диалектом и правильно поставленной речью. Впервые способность перевоплощаться стала проявляться в нем на уроках литературы и на занятиях в школьном драматическом кружке под руководством Яблонской Фаины Александровны. Необходимо отметить, что культурное отношение к театральным постановкам, поэтическим вечерам, музыкальным салонам, зародившимся еще задолго до революции, находило в России самое широкое применение даже в провинциальных и захолустных местах. Степень профессионализма исполнения актерами спектаклей, романсов, музыкальных произведений была весьма достойна. Примечательно, что и местное население относилось к этим культурным событиям с интересом.

Заведующий аптекой в заводском поселке Талица Краузе Вильгельм постоянно в кругу семьи и знакомых проводил музыкальные вечера под аккомпанирование пианино и скрипки, где непременно отдавалось предпочтение классической музыке и исполнению русских романсов.

Краузе Вильгельм Адамович (1887-1961 гг.), родился в городе Хэлм (Польша), в семье немецких фермеров. Окончил Ярославское медицинское реальное училище, служил в сводном эвакуационном госпитале № 149 в г. Тюмень. Закончил курсы провизоров, работал заведующим аптекой, начальником отдела в аптекоуправлении.

После окончания курсов провизоров в 1924 году Вильгельм Краузе получил назначение в заводской поселок Талица (ныне город Талица). Ему, как управляющему аптекой, предстояло построить заново здание аптеки. Работал он по специальности в Талице до 1934 года. Образец немецкой организованности. Отношение к работе в высшей степени преданное. Всю свою жизнь В. Краузе посвятил медицине и фармации. Имел увлечение – классическая музыка,

литература, разведение и выращивание редких видов цветов. Произношение немецкой речи – только с идеально берлинским диалектом.

Вильгельм Краузе с юных лет носил изящные классические костюмы, светлые рубашки, обязательно с галстуком, шикарные ботинки. Неизменные сопровождающие его атрибуты – шляпа, саквояж, трость. Высокий рост, абсолютно седые волосы, арийские правильные черты лица, европейская внешность, интеллигентные манеры поведения, культурная речь – все эти отличительные качества придавали ему образ немецкого аристократа. Этот европейский стиль дядя Вилли сохранял постоянно.

Будучи учеником шестого класса, Ника Кузнецов по собственной инициативе познакомился с заведующим аптекой Вильгельмом Краузе. Первоначально своей просьбой научить его говорить по-немецки Ника несказанно удивил своего будущего учителя. Уроки немецкого языка с Никой дядюшка Вилли проводил в своем небольшом служебном кабинете. Помимо кабинета, в здании аптеки со стороны двора была служебная квартира для управляющего, в которой проживал В. Краузе с супругой Александрой Ивановной и маленькой дочерью Юлией.

При первых встречах с дядей Вилли Никоша первый произносил «гутен так», как его учила в школе учительница немецкого языка Н. Автократова. Поначалу получалось не совсем уверенно. Краузе поправлял его, подсказывал тактику диалекта, а затем сам многократно повторял приветствие немцев с берлинским произношением.

В глазах юного паренька дядюшка Вилли видел восторг и восхищение, отмечая также для себя, с каким удивительным вниманием Никоша слушал своего наставника, как чистейшего носителя немецкой речи. По отзывам близких, Вильгельм Краузе произносил немецкую речь только с классическим берлинским диалектом, эталоном немецкого языка «гох плят дйч». В свою очередь, для Ники это был подарок судьбы – учиться разговаривать, писать и читать с истинным немцем, с очень культурным и интеллигентным человеком.

Простой мальчишка из глухой уральской деревушки тогда не мог предполагать, что станет агентом-разведчиком высокого класса и что исконное немецкое имя Вильгельм будет сопровождать его всю дальнейшую жизнь. Не мог тогда представить и сам Вильгельм Краузе, что этого своего первого ученика, сына Ивана Павловича Кузнецова, он будет всегда помнить. Такой одаренный ученик немецкого языка с оригинальной слуховой и визуальной памятью останется для учителя в единственном числе.

На первых занятиях Ника узнал от дяди Вилли, что на немецком языке разговаривают не только в Германии, но и в Австрии, Швейцарии. Узнал также, что в большинстве европейских стран существуют большие немецкие колонии, где живут и работают немцы, которые не забывают сложившиеся традиции и культурные обычаи Германии. Краузе охотно рассказывал своему ученику о немецкой культуре, о порядке во всем, чем занимаются немцы.

Из окна кабинета Ника впервые увидел во дворе аккуратные клумбы-цветники, в которых дядя Вилли выращивал розы разных сортов, по тем временам в провинциальном заводском поселке это считалось большой невидалью.

Позднее, в ходе постоянных встреч, занятий по изучению немецкого языка, а также культурных традиций Германии, Вильгельм Краузе, проводя уроки немецкой лексики с безупречной достоверностью, наставлял своего юного ученика классическому берлинскому произношению, применяя правильную принятую артикуляцию губ.

В своей обширной библиотеке дядя Вилли имел «Учебное пособие по немецкому языку. Сказки Гауфа», текст которого был напечатан готическим шрифтом, с построчным и алфавитным словарями и с примечаниями. Эта книга стала первым учебником немецкого языка для Ники.

Книга предназначалась для начинающих учащихся и позволяла осваивать элементарные формы склонений и спряжений. Такие учебные пособия представляли собой очень хорошее средство для усвоения форм и выражений на немецком языке. Ника впервые держал в

руках подобное печатное издание и усваивал чтение немецкого языка, напечатанное готическим шрифтом. Впоследствии это увлечение Ники перерастет в изучение языка и культуры Германии глубочайшим образом и кардинально изменит всю его дальнейшую жизнь.

В наступившем 1925 году в Талице появилось радио, первую радиомачту с репродуктором установили возле здания Райисполкома (на площади), а затем в клубе и других учреждениях. Большое впечатление на Нику произвел фильм «Броненосец Потемкин», после просмотра которого он очень хорошо отзывался.

Еще одна характерная деталь выделяла его от сверстников и одноклассников – это значительная предрасположенность к методичному чтению книг. Школьная библиотека располагалась в большом классе, где проводились общешкольные собрания и ставились спектакли. Часть библиотеки составляли книги, печатные издания и архив от бывшего Двухклассного министерского училища.

Выдачу книг проводила Елизавета Зиновьевна Снегирева. Ника был постоянным читателем школьной библиотеки. Шкафы были в высоту три метра, чтобы добраться до верхних полок, необходимо было приставить лесенку.

Из воспоминаний Елизаветы Снегиревой: «Моя сестра, Анна Зиновьевна, заведующая школой, разрешала Нике выдавать ключ от архива, единственному ученику из всей школы. Открывает архив, поставит лесенку, заберется под самый верх, найдет, что его интересовало, сядет на лесенке нога на ногу, читает что-нибудь».

За чтением книг он рассказал мне дословно, что обязательно старается выполнить намеченное, независимо от времени, пусть на это потребуется несколько месяцев или год, но все равно намеченное им он выполнит».

Бесспорен тот широко известный факт, что данное им обещание освоить немецкий язык, он выполнит с непревзойденной точностью, независимо от того, что на это ему потребуется несколько лет.

К окончанию шестого класса Ника Кузнецов освоил отдельные словосочетания из нескольких слов и специфические термины, сохраняя стилевую и выразительную составляющую в разговорном немецком языке. Позже, когда отец Иван Павлович повезет Нику домой в Зырянку на летние каникулы, Ника поведаст отцу, что он по программе изучает немецкий язык и дополнительно берет уроки немецкого языка у заведующего аптекой Вильгельма Краузе, и добавит, что учитель немецкого Автократова Н.Н. всячески ему помогает в этом деле.

После произнесенной Никой фамилии Краузе Иван Павлович обернулся к сыну. Вероятно, он вспомнил госпиталь под Красноярском, находившийся в селе Шало. Кузнецов-старший переспросил сына:

– Ну и каково, небось, трудно изучать германский язык у Краузе в аптеке?

– Нет, тятя, мне не трудно, наоборот, дядюшка Вилли добрейшей души человек. Он меня учит читать немецкую грамматику, напечатанную обычным и готическим шрифтом. И еще он мне рассказал, что готы – это древнее германское племя и что в европейских странах существует готический стиль архитектуры.

За дальностью дороги Ника много рассказал отцу о прошедшем учебном годе и попросил, чтобы к началу следующего учебного года ему подыскали другое жилье, так как предыдущие квартирные условия его сильно тяготили. Не было условий для сосредоточенной учебы.

Все лето Ника старался помочь родителям в домашнем хозяйстве. Нужно было вовремя убрать клевер и, обработав его, собрать семена для дальнейшей реализации. В то время за сданные обработанные семена клевера государство выплачивало хорошие деньги. Лето выдалось по-настоящему жарким на урожай клевера, трав и хлеба.

Из воспоминаний сестры, Агафьи Ивановны: «В сенокосную страду вся наша семья трудилась на покосе, и взрослые, и дети. Чтобы вовремя установить, сметать стога сена, родители нанимали наемную силу и просили родных помочь в этом нелегком деле. Ника всю покосную

страду постоянно помогал взрослым. Часто во время сенокоса просил мать принести на обед мед с крошками, это было его любимое лакомство».

В конце лета Ника упросил отца и мать отпустить его на несколько дней к дяде Ване Жукову на лесной кордон «Осинники». Ему с нетерпением хотелось еще раз посмотреть, как живут пленные немцы в лагере и послушать естественную немецкую речь.

Ника, как замороженный, слушал фонетическую особенность немецкой речи, внимательно наблюдал, как после рабочего дня на лесозаготовках пленные немцы и австрийцы возле костров пели солдатские песни времен Первой мировой войны – «Голубые драгуны» или «Гарцует длинной вереницей на конях гордый полк». Искусство усваивания пения немецких солдатских песен положительным образом скажется для будущей деятельности разведчика во время пребывания его в глубоком тылу Вермахта.

К началу учебного года для Ники подыскивали комнату на квартире у Масловой Екатерины Павловны. В послевоенные годы Маслова Татьяна вспоминала: «Ника жил у нас в семье зиму 1925-26 года, учась в 7-м классе, был серьезный, вдумчивый, аккуратный. В одной из комнат у нас жило трое студентов Лесного техникума – Александр Дудин, Иван Голиков и Саша Колотыгин. У Ники с ними были дружеские отношения, он часто играл с кем-нибудь в шахматы. Играл он не по возрасту хорошо и любил эту игру».

Спал Ника на большом широком сундуке возле печи в отведенной ему комнате. В период учебы в шестом и седьмом классах по-особенному теплые отношения установились у Ники с Марусей Битковой, Милей Симаковой и Капитолиной Кучинской.

Летом 1926 года Никанор Кузнецов успешно заканчивает обучение в семилетней школе. Об этом свидетельствует снимок, на котором сфотографирован весь выпускной класс и учителя школы. По воспоминаниям соучеников, Никоша в последний момент присоединился к классу перед съемкой, поэтому оказался крайний слева. Позднее он своей рукой на обороте фотографии сделает надпись: «Что день грядущий мне готовит? 23 июня 1926 год».

Дома обстоятельно и долго советовались, куда Нике поступать дальше учиться. Ввиду того что в последнее время у отца сильно пошатнулось здоровье, при создавшемся положении решили, что Ника будет поступать в Талицкий лесотехникум. Не так далеко от дома, да и содержать будущего студента будет легче.

На тот период непросто оказалось поступить в техникум пятнадцатилетнему юноше. Набирали всего 25 человек и, естественно, предпочтение отдавали более взрослым, с трудовым стажем, с характеристиками от производства. И в приемной комиссии Нике заявили: «Молоды еще, подрасти придется». Ника болезненно воспринял такой оборот событий и даже близким друзьям высказал негодование и обиду по этому поводу. Но желание отца, чтобы сын учился и стал образованным, в семье Кузнецовых было приоритетным.

В августе 1926 года Ника уезжает в Тюмень, чтобы поступить в сельскохозяйственный техникум на агрономическое отделение. По настоятельной просьбе отца по прибытию в город Тюмень Ника остановился у родственницы Кузнецовой Анны. В период вступительных экзаменов и первые месяцы учебы Ника на протяжении трех месяцев жил у родственников. Со слов Анны Кузнецовой, Ника был скромный, воспитанный юноша, жили в то время в трудных условиях, на тяжелые условия он никогда не жаловался. Позже ему предоставят место в общежитии техникума.

В то время техникум готовил специалистов-землеустроителей, агрономов и гидромелиораторов. Директором техникума был Мартэн Павел Августович, выпускник Казанского университета. По его ходатайству в здании бывшего реального училища впоследствии и был сформирован сельскохозяйственный техникум с организованным вновь своим учебным хозяйством.

Имея общительные черты поведения, предрасположенность вести убедительную речь с собеседником позволили Нике в кратчайший срок обзавестись новыми знакомыми и товарищами.

В Тюмени Ника Кузнецов узнает, что на улице Иркутской существует кружок эсперанто. Судьба свела его с Беседных Георгием Николаевичем, который руководил клубом эсперантистов и являлся юрисконсультom Тюменского речного пароходства. Георгий Николаевич довольно быстро выяснил поразительные лингвистические способности пятнадцатилетнего юноши и предложил дальнейшее изучение международного языка, руководствуясь учебным пособием «Русско-Эсперантский словарь» 1918 года выпуска, автором которого являлся А.А. Сахаров.

Впоследствии, в течение почти шестимесячного курса изучения языка эсперанто, обладая совершенными природными данными, Никоша стал одним из лучших учеников. В дальнейшем он приятно удивил своего учителя тем, что самостоятельно смог перевести на язык эсперанто довольно длинные тексты стихотворений и читать их вслух.

В клубе Ника более обширно узнал от Беседных, что словарный состав эсперанто основан на лексике, общей для многих европейских языков, а все учебные пособия напечатаны латинским алфавитом. Наиболее распространенный в Европе международный язык – эсперанто был создан в 1887 году Людвигом Заменгофом и наименовался от псевдонима создателя – «Doktoro Esperanto» (надеющийся). Система словообразования и грамматика основывалась на строгом регламентировании.

Учебную программу в техникуме Ника Кузнецов осваивал с присущим ему усердием, да и тем более о земледелии он знал с детских лет. Зимой из дома пришло тревожное письмо, что отец совсем плохо себя чувствует.

Обучаясь на первом курсе, Ника вступает в члены ВЛКСМ и 11 декабря 1926 года был принят кандидатом в ряды Ленинского комсомола с испытательным сроком полтора года. Согласно собственным идеалам и убеждениям, Ника старался не отставать от сверстников. Верой в коммунистические идеалы жили в то время миллионы молодых людей, вступали в ряды ВЛКСМ и ряды РКП(б). По Ленинскому призыву в партию проводился массовый прием передовых рабочих. В течение полугода, в связи с кончиной В.И. Ленина, в члены РКП(б) было принято 241,6 тысяч человек. Молодое поколение по зову партии и комсомола шли на стройки-гиганты, возводили Магнитку, строили Харьковский тракторный завод, поднимали в Ленинграде завод имени Кирова, согласно проводимым наборам шли в армию и на флот. В 20-е и 30-е годы в СССР высокими темпами, планомерно проводилась индустриализация народного хозяйства и промышленности. Было введено в эксплуатацию 9 тысяч крупнейших государственных промышленных предприятий, оснащенных передовой техникой.

В первых числах июня 1927 года Ника получил из дома телеграмму, извещающую о смерти отца. После продолжительной болезни Иван Павлович скончался в возрасте 56 лет.

Добраться до родной Зырянки Нике сразу не удалось по многим причинам. Удалось попасть в родную деревню уже после похорон отца. Это было его первое большое горе. Последними словами Ивана Павловича, обращенными к родным, были: «Нику обязательно дальше учите, хотя знаю, что вам будет трудно... Витя будет помогать матери вести хозяйство, а Нику обязательно учите!»

Оставшееся на то время домашнее хозяйство: лошадь, корова, телята, сельхозинвентарь, пашня, пчелиная пасека – требовали ухода и ежедневного тяжелого ведения сельскохозяйственного труда. На семейном совете встал сложный вопрос. По сложившейся ситуации Ника стал старшим мужчиной в семье, и на его плечи ложилась ответственность за дальнейшее содержание домашнего хозяйства, по тем временам считавшегося зажиточным.

Мать Анна Петровна высказала озабоченность и тревогу: «Без тебя, Ника, без твоей помощи мы не в силах будем справиться с хозяйством». Ника понимал тяжесть сложившейся

ситуации, семья не в силах будет содержать студента в Тюмени, нужно будет дома помогать по хозяйству. Трагический поворот судьбы заставил Нику принимать иные решения. После продолжительного домашнего совета Ника предложил матери: «Я переведусь в Талицкий лесной техникум, поближе к дому, продолжу обучение, а зимой на лыжах буду приходить домой почаще, чтобы помогать по хозяйству, такое расстояние я научился преодолевать без особого труда». И сумел – таки убедить мать, что принятое им решение в создавшейся ситуации наиболее верное. Его невозможно было переубедить в обратном.

Ника уезжает в Тюмень, объясняет педагогическому совету техникума сложившуюся ситуацию. Не теряя времени, чтобы в установленные сроки успеть подать заявление в приемную комиссию Талицкого лесотехникума, он вновь появился в заводском поселке Талица. В Тюмени ему выдали справку следующего содержания (орфография и стиль документа сохранены): «Тюменский сельскохозяйственный техникум сообщает, что гр. Кузнецов Н.И. окончил 1-й курс техникума, причем к учебным занятиям как к теоретическим, так и к практическим относился добросовестно. Причина перевода – смерть отца и желание получить образование по лесному делу».

Летом 1927 года в приемную комиссию Талицкого лесотехникума поступило больше 207 заявлений, а курс предстояло набрать 26-30 человек. Отбор учащихся был более чем строгий, существовали высокие требования к абитуриентам и строгая дисциплина.

В Талицком лесотехникуме Ника вновь встретил Яблонскую Фаину Александровну. К тому времени она преподавала в техникуме родную речь и литературу. Возможно, это обстоятельство положительным образом повлияло на решение приемной комиссии и на дальнейшую судьбу Никанора Кузнецова. В первых числах сентября 1927 года Ника был включен в список поступивших на 1-й курс лесотехникума. Позднее в течение всего периода обучения Ника принимал самое активное участие в драматическом кружке. Из воспоминаний соученика Михаила Широкалова:

«Самыми ведущими актерами в драмкружке были Ника и Медведев Леонид. В выборе изображаемого им персонажа Никоша не стеснялся и не скромничал, останавливался на понравившейся ему роли и настоятельно добивался ее игры. Мы часто видели его игравшего в пьесе главную роль. Любил он играть военных, командиров Красной Армии, руководителей подполья, крупных революционеров. И еще имел отличительную особенность – победу своей точки зрения достигал своей логикой и убеждением».

Талицкий лесной техникум, созданный на базе Низшей лесной школы, основанной в 1896 году под руководством ученого лесоведа Вронского Сергея Григорьевича, считался высококлассным учебным заведением. Преподавательская деятельность и уровень подготовки учащихся имели традиционно высокий научно-исследовательский уровень. Общая площадь Талицкого лесничества составляла 32 тыс. десятин (гектаров) и была в дальнейшем обустроена силами лесничих и слушателями лесной школы. С основанием школы лесных кондукторов под руководством Вронского С.Г. на базе учебного заведения был разбит большой древесный питомник. Впоследствии питомник был обустроен как парк-дендрарий, в котором насчитывалось более 57 видов пород деревьев и кустарников, в том числе редких и экзотических. И в наше время данный парк, известный на всю Россию, считается одной из главных достопримечательностей города Талица и является любимым местом отдыха местного населения. С 1901 года по роду проводимой научно-исследовательской деятельности Лесная школа обладала обширной научной и учебной библиотекой, по тем временам имеющей ранг превосходной. В основном книжные издания доставляли из Петербурга. Уже в то время в библиотеке имелись издания с цветным оформлением и печатью. Редкие уникальные печатные книги, альбомы, энциклопедии, которыми пользовались учащиеся, составили золотой фонд Талицкого лесного техникума. Также техникум имел свою метеорологическую станцию. Первоначально техникум располагался в одноэтажном деревянном здании. Высокопрофессиональный уровень препода-

давания на 1-е октября 1927 года осуществляли 14 преподавателей, имелось одно отделение – лесохозяйственное. Учебная программа в техникуме предусматривала довольно объемное изучение таких предметов, как: черчение, химия, лесоустройство и лесная таксация, охотоведение, основы сельского хозяйства, государственное лесное хозяйство, почвоведение, основы строительного и лесоинженерного искусства, геодезия, общая и прикладная зоология, ботаника, родной язык, гигиена, обществоведение, физвоспитание, математика и физика с основами метеорологии.

Количество печатных учебных изданий и книг в библиотеке техникума на 1-е октября 1927 года составляло 5658 штук. «К студентам, кроме топографического черчения, знания геодезии и топографии, предъявлялись требования уметь хорошо читать карты и планы, ориентироваться на местности (особенно в лесу и в ночное время), в совершенстве знать территорию учебного лесничества, (а его площадь была 35 тысяч гектаров), знать, где находятся кордоны, дороги, тропы и объезды, речки и овраги. Учебный план техникума предусматривал обязательный предмет – охотоведение. В порядке практики студенты вели организованный отстрел птиц и зверей и сами делали из них чучела. Учащиеся должны были уметь ходить на лыжах по целинному снегу, стрелять из огнестрельного оружия». Так описывает бывший зав. учебной частью П.В. Луговых учебный процесс, проводимый в техникуме.

Учащиеся проводили нивелирную съемку местности, замеры выпавшего снежного покрова и осадков, выращивали и высаживали саженцы сосны, ели, дежурили на семеновоспитке. Жесткие требования учебной программы целиком и полностью выполнялись. В то время обучение в техникуме было платным. Нелегко приходилось Нике, необходимо было овладевать знаниями и помогать родным в Зырянке. Иностранный язык в техникуме на тот период не преподавался. Такой пробел в изучении немецкого не устраивал Нику, и он в короткий срок обзавелся карманным изданием учебника «Краткая Немецкая Грамматика. Этимология», составителем и автором которого являлся Кейзерь, 1914 года выпуска. Данное учебное издание представляло более точный перевод с изучением первоначальной словообразовательной структуры слова, позволяющий более точно определить истинное значение словосочетаний.

По складу характера Ника подружился с Белоусовым Федором и Захаровым Володей. Первоначально все трое товарищей жили на одной квартире, в то время плата за квартиру составляла 3-5 рублей с одного человека в месяц. Все трое в техникум пришли комсомольцами, принимали активное участие в комсомольской и общественной жизни. Белоусов поступал в техникум по комсомольской путевке с производства, приехал из Нижнего Тагила.

Захаров перед поступлением в техникум продолжительное время работал и владел первоначальным капиталом, имел хороший выходной костюм. Все трое товарищей носили этот костюм по очереди. Стипендия на тот период составляла 53 – 63 рубля. На первом курсе Нику избрали членом профкома техникума, где он активно участвовал в решении бытовых вопросов студентов и исполнял обязанности председателя контрольной комиссии. Также первокурсников обязывали проводить по вечерам обучение неграмотного населения. Форма обучения была очная – дневная, также заочная и экстерном.

Он не сторонился товарищей, но был серьезнее их, вдумчивее, любил внимательно наблюдать за окружающим. Большая собранность, переходящая в пунктуальность – эти качества помогали Никоше Кузнецову сочетать серьезный учебный процесс с активной общественной работой. В дальнейшем все эти качества особым образом сформируются и с высокопрофессиональной направленностью отразятся на будущем становлении спец-агента.

27 декабря 1927 года Ника из кандидатов был принят в члены ВЛКСМ.

Зимой Нике продукты из деревни привозила его мать Анна Петровна: хлеб, испеченный караваем, молотую пшеницу и замороженное в железных кружках молоко, имеющее цилиндрическую форму. Домашнее хозяйство Кузнецовых после смерти отца постепенно приходило

в упадок, нехватка мужских рук постоянно отражалась на урожае и выращиванию домашних животных. Старшая сестра Агафья Ивановна вышла замуж и переехала в волостное село Балаир. С переездом Агафьи утратилась последняя надежда на содержание пчелиной пасеки, так как с детских лет отец привил старшей дочери навыки и любовь к пчелам. Но жизнь вносила свои изменения. Поле, на котором выращивали клевер, пришлось оставить.

Некоторые односельчане, враждебно настроенные по отношению к семье Кузнецовых, постоянно предпринимали попытки применения меры раскулачивания. Постоянная угроза такой физической расправы периодически имела место и нависла с угрожающей опасностью. В ноябре 1927 года ввиду плохого материального обеспечения Ника обращается с заявлением в стипендиальную комиссию: «Настоящим прошу снять с меня плату за правоученье в сумме 23 руб., ввиду того что я не в состоянии уплатить этой суммы вследствие плохого материального положения. Отца нет, мать 50 лет, так что работать не может, брат 13 лет и только сестра в 18 лет. Ввиду этого им стоит большого труда прокормить меня, а не только еще заплатить эти 23р.».

В техникуме в учебно-опытном хозяйстве был лесничим старый гвардейский солдат Первой мировой. Кроме положенных дежурств, он часто даже в суровые морозные дни посылал студентов ночью на лыжах с экстренным «секретным» донесением на лесной кордон за 10-15 километров и требовал, чтобы они к утру возвращались обратно. Солдат – лесничий устраивал ночные облавы и засады в лесу по выслеживанию «лесных воров» – самовольных порубщиков. Он прививал студентам военные навыки и дисциплину. Но суровые требования лесничего не тяготили молодежь. В них студенты видели романтическое начало и состязались в ловкости, силе и выносливости.

Круг интересов и увлечений Ники был широкий и разнообразный. Он также усиленно, настойчивым образом, целеустремленно занимался спортом, особое внимание уделял лыжным гонкам, стрельбе из винтовки и охотничьего ружья. Длительные переходы на лыжах позволят ему не отодвинуть на второй план, а наоборот максимально возможными действиями планомерно идти к намеченной цели в изучении немецкого языка.

Тренировки по стрельбе из винтовки и ружья вырабатывали в нем реакцию, мгновенно, навскидку поражать мишень. Уже работая таксатором лесоустроительной партии в Кудымкаре, Кузнецов неоднократно навскидку убивал разъяренного медведя, тем самым еще и спасал жизнь своим подчиненным. Летом 1928 года в техникуме было начато строительство двухэтажного кирпичного здания для нового учебного корпуса. Увеличена площадь парка-дендрария с 3-х гектар, занимаемых ранее, до 10 гектар, где студенты проходили практические занятия по выращиванию саженцев, прививали плодородные яблони и груши, профилировали дорожки и аллеи, проходили первые уроки с визирными приборами. У каждого дерева была установлена табличка с названием породы дерева. Силами студентов в парке были установлены многочисленные речные беседки.

По воспоминаниям соучеников, в часы отдыха Нику часто можно было увидеть сидящим в парке с книгой в руках. Квартира семьи Яковлевых, где трое друзей-студентов снимали комнату, находилась вблизи от парка. Летом 1928 года группа, в которой учился Ника, проходила практические полевые занятия по геодезии. Кузнецов был назначен старшим и по роду деятельности заполнял геодезический журнал. Этот журнал и маршрутный дневник с подробнейшим описанием проводимых работ и лесной местности преподаватель по геодезии Дурников длительное время хранил и показывал студентам как образцовый.

Во время летних каникул Ника временно устраивается на работу в лесопильную артель, расположенную неподалеку в лесном поселке Юшала. За короткий срок ему удалось заработать 55 рублей, и в сентябре месяце он приступает к учебным занятиям на втором курсе. На заработанные летом деньги Ника купил себе костюм юнгштурма, брюки и ботинки. Незначительной оставшейся суммы денег хватило на оплату за квартиру до октября 1928 года.

В то время стипендия назначалась не по успеваемости студента, а учитывалось материальное положение учащегося. Находясь в безвыходном положении, без средств существования и без продуктов, Ника в письменной форме обращается к руководству техникума.

В стипендиальную комиссию
Талицкого лесотехникума
от учащегося 2-го курса
Н.И. Кузнецова.

Заявление. (Орфография и пунктуация сохранены).

«Желая продолжить образование, убедительно прошу стипендиальную комиссию дать мне стипендию так как я совершенно не нахожу средств существования. Пребывание мое без стипендии в техникуме грозит совершенным разорением в хозяйстве моей матери. Работать же на сторонних заработках в хозяйстве матери никто не может, так как матери 51 год, брату 15 и сестре 19 лет, которая нужна в своем хозяйстве, так как главный работник. Налога в хозяйстве числится 27 руб. 95 коп, на что предоставляю документ».

Н. Кузнецов. 20.X-28г.

Руководством техникума данное заявление было отклонено. Единственными помощниками для Ники в этой ситуации оказались Федор Белоусов и Владимир Захаров.

Неоценимую поддержку в сложившейся ситуации оказал Нике его дядя Жуков Иван Алексеевич. Осенью и зимой 1928-1929 года с продуктами в торговых лавках и магазинчиках было плохо, на базаре цены возросли в несколько раз. Федор Белоусов был вынужден продать свое охотничье ружье, чтобы иметь средства и платить за квартиру. Систематическое недоедание, голод, нехватка самых простых продуктов отрицательным образом сказались на здоровье Ники. Он вынужден был обратиться за медицинской помощью к фельдшеру техникума Мухину и написать заявление в стипендиальную комиссию: (Орфография и пунктуация сохранены).

«Прошу стипендиальную комиссию дать мне стипендию. Временными воздержаниями я доведен до такого состояния, что сейчас не имею ни одной копейки для существования, кроме того, я с начала занятий 20.IX не платил за квартиру, так в дальнейшем продолжаться не может. Кормился на остатки заработка. От плохого питания и усиленного занятия чувствую ненормальность в легких. Мухин советует питаться молоком и вообще улучшить условия питания. Я же питаюсь как нельзя плохо, что могут подтвердить мои сожители Белоусов и Захаров. В дальнейшем без пособия я вынужден буду продать всю одежду, купленную на заработанные деньги. Я думаю, стипендиальная комиссия учтет мое плохое материальное положение и даст мне возможность жить в нормальных условиях и учиться через дачу стипендии.

18.XI.28г. Никанор Кузнецов».

Президиум совета Талицкого лесного техникума и стипендиальная комиссия с учетом рекомендации фельдшера Мухина удовлетворили просьбу и назначили стипендию Нике. Улучшение жизненных условий позволило максимально возможным методом сконцентрироваться не только на решении вопросов программы обучения, но и не оставлять на второй план изучение немецкой грамматики и лексики, а также культурных обычаев Германии.

Ника имел хорошие лыжи и отличное по тем временам ружье с полным патронташем. Исключительно высокая требовательность к себе и вместе с тем умение создавать атмосферу уверенности в дальнейших поступках позволяли ему достигать высокой непревзойденной результативности в изучении немецкого языка. Поздней осенью, как только установился посто-

янный снежный покров, Ника на лыжах дошел до лесного кордона «Осинники», где жил его дядя Иван Жуков. Необходимо отметить, что семья Жуковых всячески помогала Нике и его родным. Ника и раньше здесь бывал, приезжал погостить у родственников. Такие длительные переходы на лыжах на расстояние десяти и более километров с вещевым мешком и ружьем на плече Ника совершал в любые уральские морозы.

Иван Алексеевич, по – отечески относящийся к Никоше, обогрел и накормил племянника. Из рассказа дяди Вани Ника узнал, что лагерь военнопленных расформирован, пленным была предоставлена возможность поселиться в близлежащих селах и лесных кордонах. По его словам, бывшие пленные немцы и австрийцы работают на разных работах в лесном и сельском хозяйстве. Многие женились на местных девушках, обзавелись семьями. Иван Алексеевич, зная увлечение Ники и его стремление к изучению немецкого языка, рассказал, что поблизости от «Осинников» есть лесной кордон «Качкариха», на котором сейчас работает лесником бывший пленный – немец Гунольд.

Освоив еще в лагере разговорный русский, Гунольд, имея образование, благодаря своим личным природным качествам, после освобождения из лагеря начинал простым рабочим и, как подающий надежды, с помощью Ивана Жукова стал работать и осваивать лесное дело. Гунольд женился на русской девушке из села Истоур, завел детей и впоследствии обосновался со своей многочисленной семьей на лесном кордоне в качестве лесничего. Из этого рассказа Ника сделал соответствующие выводы, переспросил подробно, где находится тот кордон, сколько километров до него расстояние. И в следующий раз он самостоятельно отправился на лесной кордон «Качкариха», находящийся от Талицы в 16 километрах.

Гунольд Эдуард Фердинандович (1893-1938г.г.), родился в Германии, провинция Ганновер, д. Фурбах. После окончания гимназии обучался в Берлине на католического священнослужителя. Репрессирован в 1938 году.

После завершения обучения на католического священника, в связи с призывным возрастом, Гунольд был призван в рекруты и отправлен на фронт Первой мировой войны. После полученного ранения в ночной штыковой атаке попал в плен в 1914 году. Отправлен на Урал, где находился в лагере для содержания пленных немцев и австрийцев на лесном кордоне «Осинники». После освобождения из лагеря находился на поселении, работал простым рабочим, позже помощником лесничего, лесничим, позднее заведующим Бельским участком Талицкого леспромхоза.

Сын Вилли Гунольд рассказывал авторам: «Мой отец Гунольд Эдуард работал лесничим и жил с семьей на лесном кордоне «Качкариха». Зимой длинными вечерами мы, дети, обычно сидели на печи. В тот вечер тятя чинил хомут для лошади, неожиданно открылась дверь, и на пороге появился молодой, совсем юный паренек, весь запорошенный снегом. Юноша с порога поздоровался с тятей на немецком языке. Тятя от такой приятной неожиданности и удивления даже выронил из рук шило. В дальнейшем, как мы, дети, его между собой называли «белокурый, светловолосый немчик» много раз приходил к нам на кордон. С отцом он постоянно практиковался в произношении немецкой речи. Нам, детям, «немчонок» вырезал из черемухи

пашки, на картоне разлиновал квадраты и научил нас играть в эту игру. Я на всю жизнь запомнил, как они с отцом сидели на крыльце и распевали немецкие песни. А еще отец показывал ему, как немцы прикуривают».

Общение с «чистейшим носителем» немецкой речи позволило Нике еще более осознанно относиться к самостоятельному освоению разговорной немецкой лексики, совершенствоваться в произношении. Впервые бывший солдат Рейхсвера показал Нике солдатский немецкий ранец и познакомил своего юного ученика с фронтовым жаргоном. Солдаты про себя топленое масло называли «обезьянье сало» – шутливое название маргарина, учебный плац называли «пустошь». Доверительные беседы с Никой о немецкой культуре и достопримечательностях Берлина Гунольд всегда заканчивал такими словами: «Немецкий труд и культура всюду получили признание».

Индустриализация страны, культурная революция, стратегия социалистического строительства, охватившие широкие массы населения, не позволяют остаться в стороне юному комсомольцу Кузнецову Нике. Показывая личный пример в осуществлении решений партии и комсомола, он занимается агитационной работой, разъясняет политику ВКП(б), собирает подписи на заем индустриализации, настойчиво убеждает крестьян вступить в коммуны и колхозы. Весной 1929 года, применив свои знания, Никанор помогает правлению и парторганизации коммуны «Красный пахарь» квалифицированно составить картографический план под посевные площади. В период каникул, ввиду нехватки грамотных людей дома в Зырянке, Ника постоянно работал секретарем в коммуне и в Балаирском сельском совете.

Весной 1929 года Ника убеждает мать вступить в члены коммуны «Красный пахарь» в составе: мать, Анна Петровна, Никанор и брат Виктор. В письменной форме семья Кузнецовых передала в фонд коммуны свой дом с постройками, имущество, сельхозинвентарь и домашних животных на общую сумму 1028 рублей 25 копеек. Уверенный в своей правоте и выборе активной жизненной позиции, Ника не мог представить, чем в дальнейшем обернется для семьи такой поворот событий. Возможно, в его понимании на тот момент это был своего рода единственный логически выстроенный шаг и способность самостоятельно принимать решения в любых обстоятельствах.

Приступая к учебным занятиям на третьем курсе, Ника уже перебрался с товарищами в общежитие для студентов техникума. Назначенная ему стипендия позволяла сводить концы с концами.

На первом этаже студенческого общежития работала столовая, где было организовано трехразовое питание. Введен в эксплуатацию новый двухэтажный учебный корпус.

Принципиальная, справедливая жизненная позиция Ники Кузнецова не позволяла ему умалчивать на комсомольских и профсоюзных собраниях о нарушениях и выявленных негативных фактах в техникуме. В присутствии членов президиума техникума и работников райкома партии Ника открыто и прямо заявлял о недостатках и поступках некоторых студентов, порочащих доброе имя лесотехникума. В то время в техникуме имели место ростовщичество, спекуляция, пьянство. Такое правдолюбие не всем было по душе.

В студенческой столовой однажды произошел неординарный случай: один из студентов, пользуясь своим физическим преимуществом, у более слабого отнял кусок хлеба. Никанор стал невольным свидетелем инцидента. Ника, не раздумывая встал из-за стола, подошел к старшекурснику и потребовал, чтобы тот вернул хлеб тому, у кого отнял. В столовой наступила тишина. Второй раз Ника повторил свое справедливо высказанное требование в более жесткой форме: «Верни, ..., хлеб, ...». И настоял на своем, заставил вернуть отобранный хлеб.

«Смелость начинается от правды, сынок», – постоянно твердил ему отец.

В конце 20-х годов страну захлестнула волна по выявлению лиц, участвовавших в белом движении, изобличению «чуждых элементов». Широким фронтом проходило раскулачивание, а также проводились всевозможные чистки рядов. Не обошли подобные меры заводской посе-

лок Талица и Талицкий лесотехникум. В ноябре 1929 года был исключен из техникума Иван Бадер, приехавший из Ирбита с формулировкой «социально чуждый элемент». Исключили из комсомола Федора Белоусова, как лицо увлекающееся чтением запрещенного в то время поэта Есенина. Попал в «черный список» исключенных из техникума учащийся Яковенко. Грозовые тучи стали сгущаться над студентом III-го курса Никанором Кузнецовым.

Вероятно, по одной из версий, был тот факт, что враждебно настроенные односельчане, проявив «пролетарскую политическую бдительность», написали донос в райком партии и письменно изложили о скрытых фактах: «В техникуме учится комсомолец Никанор Кузнецов, который скрывает свое происхождение, сын зажиточного, отец его, Кузнецов И.П., эксплуатировал чужой труд, при колчаковцах был старостой, участвовал в поимке активистов, отступал с белогвардейцами».

Такие обвинения в тот период звучали как приговор. На запрос сотрудников райкома ВКП(б) в правление коммуны «Красный пахарь» и к председателю Рухловского сельского совета в первых числах декабря были составлены письменные четыре справки № 1538 с подтверждением данных фактов. Председатель сельского совета собственноручно писал: «Справка. Дана в том, что отец Кузнецова Никанора Ивановича Кузнецов Иван Павлович был лишен права голоса за то, что отступал с белыми до Красноярска, а семья его отступала до Омска...»

Этих документов оказалось достаточным для дальнейшего проявления «пролетарского сознания». Нику вызвали на бюро ячейки комсомола, попросили предъявить комсомольский билет и стали расспрашивать о семейном положении. В заключение, подробно просмотрев комсомольский билет, секретарь ячейки обвинил Нику в умышленном обмане комсомольской организации и скрытии своего кулацкого происхождения.

Выписка

(орфография и стиль документа сохранены)

Из протокола № 4 заседания бюро ВЛКСМ при Т.Л.Т. от 5-го декабря 1929 года.

§ 4. Слушали: Выявление социального происхождения уч-ся Т-ма комсомольца Кузнецова Н.

Семенов Ф. зачитывает справки, выданные Рухловским с/советом, которые характеризуют отца Кузнецова Н. – Кузнецова Ивана Павловича как кулака, белобандита, отступавшего с белыми войсками до Красноярска...

Кузнецов Н. «...сам я воспитывался в пионерах и комсомоле, а потому воспитался в духе коммунизма и стал работать в деревне с массами, неуклонно проводя политику партии и Советской власти. Никаких реплик со стороны бедноты не бывало, беднота мною оставалась всегда довольна, и я получал от общественных организаций только благодарность. Но кулак зол на меня, т.к. я в своей деревне их нажимал по хлебозаготовкам. Я политике партии верен и массы от меня не отнимут, я там работал и буду работать сейчас. Постановление об исключении меня из комсомола будет неверно и преждевременно».

Постановили: Руководствуясь представленными справками Рухловского с/совета и другими дополнительными материалами, говорящими за то, что Кузнецов Н. происходит из семьи антисоветского чуждого нам элемента, от которого мы очищаем комсомол, а поэтому Кузнецова Н. из комсомола исключить и просить президиум совета Т-го Лес-ма об исключении из числа уч-ся тех-ма.

Комсомольским собранием не утверждалось.

Ответств. секр. Семенов.

Подлый удар, спланированный интриганами-карьеристами, был для Ники более чем неожиданным. Интуитивно он понимал, что под лозунгом борьбы с кулачеством с ним и его

родными некоторые односельчане сводили личные счеты. Он был исключен из комсомола, в то время такое обвинение носило характер «социально негодного элемента», и отчислен из техникума с последнего курса за полгода до окончания. Обратившись к составу бюро ячейки и руководству техникума, он произнес: «Здесь произошла ошибка. Мне выразили политическое недоверие. Но вы еще услышите обо мне. Я докажу, что со мной поступили несправедливо».

Ника ушел из техникума со слезами на глазах. Потрясенный случившимся, он искал выход, пытался в общении с товарищами и знакомыми найти и предпринять хоть какой-то компромиссный шаг. Его не впустили в дом давно ему знакомые люди, отвернувшись, боялись стать запятнанными. По-человечески тепло в те дни к нему отнеслись учительница школы-семилетки Ракульцева Таисия Александровна и его старшая сестра Агафья Ивановна.

В последних числах декабря 1929 года Нике Кузнецову по его просьбе в техникуме была выдана справка д. № 5. вход № 482, в которой упоминалось, какой объем учебных занятий был прослушан и по каким предметам с 1927 г. по 1929 год.

Уверенность в том, что несправедливые решения будут исправлены, и высокая степень устойчивости помогли Нике выстоять, не опустить руки.

Возможно, закончил бы Ника Кузнецов лесотехникум и работал лесничим в Уральских лесах. Но судьба распорядилась иначе, подводя его к той грани, к тому решающему шагу, от которого начинался путь становления прирожденного разведчика.

Ника переезжает домой в родную Зырянку. К тому времени по решению собрания коммуны дом Кузнецовых был разобран, часть бревен и теса были перевезены для постройки пекарни, оставшаяся часть была в разобранном виде брошена возле бывшей усадьбы. По воспоминаниям односельчан, мать, Анна Петровна, часто приходила на место разобранного дома и горько плакала от горя и обиды. Коммунары жили в бараке, возведенном на пашнях коммуны, ютились в маленьких комнатухах, отгороженных досками и занавесками. Анна Петровна работала на кухне, младший брат Виктор учился на курсах трактористов.

В коммуне Ника работал на заготовке дров, убирал в коровнике, ухаживал за скотом. Он неоднократно пишет в окружном ВЛКСМ, в конфликтную комиссию заявления о восстановлении его в комсомоле.

В Талицкий райком партии в очередной раз поступили доносы о том, что в коммуне «Красный пахарь» есть кулаки. Некоторые враждебно настроенные односельчане в очередной раз пытались свести счеты с семьей Кузнецовых. Прибывшая комиссия во главе с уполномоченным райкома провели проверку с последующей чисткой рядов коммунаров. Не помогли заверения председателя правления коммуны Харитонов Николая Ивановича. Комиссия, выявив на месте принадлежность к кулацкой среде семьи Кузнецовых, постановила: «Кузнецову Анну Петровну, Кузнецова Никанора Ивановича и Кузнецова Виктора Ивановича исключить из состава коммуны «Красный пахарь». Вынесли выговор и председателю Харитонову. Анна Петровна от переживания и невзгод тяжело заболела, в одночасье лишившись крова над головой, какой-либо работы и последнего оставшегося имущества. Семья Кузнецовых была вынуждена переехать к родственникам, жившим на железнодорожной станции Поклевская.

Начиная с 1927 года и по 1931 год коммуну «Красный пахарь» возглавлял Харитонов Николай, он же являлся и секретарем партийной организации. Из воспоминаний Харитонova Николая Ивановича: «В начале 1930 года, зимой, однажды ночью кто-то постучал в окно. Ночным гостем оказался Никанор Кузнецов. Он попросил не зажигать огня и сказал, что пришел за советом и сегодня же уйдет. Кузнецов разделся, обогрелся возле печи и обратился с такими словами: «После того как меня исключили из комсомола, из техникума и из коммуны, я потерял кров, хлеб и семью, мне остается, кажется, только одно – взять большой нож и выйти на большую дорогу, если это не так, то посоветуйте, что мне делать? Куда податься?»

Они просидели всю ночь. Харитонов старался убедить Нику, что его изгнание – это искаженная политика партии, что надо апеллировать, доказывать свою правоту. Кузнецов не воз-

ражал, но высказывал: «Для этого нужно время, надо где-то жить и что-то кушать, а на работу меня, как кулака, не принимают». На тот период на руках у Кузнецова не было никаких документов, кроме зачетной студенческой книжки и справки.

Согласно постановлениям Совнаркома СССР, члены колхозов, коммун, артелей не могли менять место работы и жительства без справок, составленных и заверенных председателями. Это отчетливо понимал Харитонов, он вместе с Кузнецовым Иваном Павловичем организовывал кредитное товарищество и состоял в дальних родственных связях с семьей Кузнецовых. Ему по-отечески было тревожно за судьбу Ники. На тот момент это было единственное подстраховочное звено.

Утром Николай Иванович написал Кузнецову справки от правления коммуны и заверил их печатью. Воспользовавшись тем, что в зачетной книжке имя и отчество Кузнецова были написаны инициалами «Н.И.», председатель «на всякий случай» во всех документах написал имя-отчество «Николай Иванович» и полушутя добавил: «Теперь будем с тобой тезками». Харитонов выдал Нике питание из расчета на пять дней, чтобы он мог съездить в Свердловск и попытаться восстановиться в областном комитете ВЛКСМ. Наиболее вероятной версией является тот факт, что с этого периода 1930 года Кузнецов по документам стал не Никанор, а Николай Иванович.

По дороге в Свердловск Ника случайно встретил студента лесотехникума, товарища по учебе Ивана Исыпова. Иван, по стечению обстоятельств, направлялся в Уралоблоно решать вопрос о выдаче ему стипендии. Исыпов учился в ТЛТ с третьего курса, так как перевелся из Соликамского лесного техникума. В двадцатые и тридцатые годы в Талицком лесотехникуме много студентов училось из Коми-Пермяцкого национального округа как по дневной-очной форме обучения, так и заочной и экстерном.

Неоднократно летние практические занятия Исыпов проходил в лесоустроительных партиях окружного землеуправления Коми-Пермяцкого округа. Исыпов отличался открытым, уверенным взглядом, и студенты между собой его называли Иван-пермяк. Иван по-товарищески поддержал в трудный момент Кузнецова и, как один из немногих, подсказал ему, что в их крае очень нуждаются в подготовленных специалистах по лесному делу. Он обстоятельно рассказал Нике, что каждой весной при лесном отделе окружного земельного управления набирают лесоустроительные партии по обустройству лесов. Вот только не хватает специалистов-таксаторов, и посоветовал ему переехать в Кудымкар. Он заверил, что его могут взять и без диплома, и настоятельно посоветовал обратиться к окружному лесоводу Зырянову Александру Федоровичу. Такой доверительный, откровенный мужской разговор Кузнецов запомнил дословно, благодаря точной организации памяти.

В апреле 1930 года Николай Кузнецов переезжает в Кудымкар – столицу Коми-Пермяцкого национального округа. Без средств существования, с одним фанерным чемоданом и несколькими справками на руках, выбрав, на его взгляд, единственный для него путь, в дальнейшем ассоциирующийся как классический пример работы высокого уровня профессионализма, вошедший в учебные пособия спецшкол многих стран мира.

По прибытию в Кудымкар Николая принимают на работу в «Коми-Пермяцкое земельное управление». Согласно приказу, «1930 год, апрель, 20. принят на работу Коми-Пермяцким Окрзу на должность помощника таксатора первого разряда по устройству Л.М.З. с одновременным исполнением обязанностей таксатора» по распоряжению заведующего окружным земельным управлением Овчинникова Семена Михайловича.

Старинное коми-пермяцкое село Кудымкар, имеющее на тот момент статус административного окружного поселка, немногим отличалось от завода Талица. Здесь готовили молодых специалистов в лесном, педагогическом и сельскохозяйственном техникумах, имелись также медицинская школа, краеведческий музей, кинозал, а также многочисленные учреждения и организации окружного административного центра. До революции в этом крае обла-

дали большими владениями графы Строгановы. Язык коми-пермяков относится к финно-угорской языковой группе. Он сложный в произношении, по сравнению с ведущими европейскими языками. Коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский – на языках этой группы говорят эстонцы, карелы, финны.

Коренные жители занимались деревообработкой, выращивали лен, охотники вели пушной промысел. В этом крае необъятные, огромные площади занимали лесные массивы.

В Кудымкаре Николаю Кузнецову предстоит обрести новых знакомых, здесь судьба его сведет с участниками Гражданской войны и заслуженными опытными чекистами.

Первоначально две недели Николай жил в подсобном помещении, в конторе управления, затем стал снимать комнату у Тотьмянина В.М., проживающего на Пермьской улице. По завершению укомплектования лесоустроительной партии под руководством зав. лесоустройством Никольского Л.И. в первых числах мая партия выдвинулась к новому месту расположения. В состав этой группы специалистов был включен и Кузнецов. За летний сезон под селом Белоево им предстояло провести обследование лесных массивов на площади несколько десятков гектаров. Расчистка завалов, вырубка просек требовали невероятных физических усилий. Слабые не выдерживали таких испытаний, уходили. Вечером лесостроители возле костра играли в шашки, пели песни, соревновались в стрельбе из винтовки.

Несмотря на трудные условия, в лесу у Кузнецова постоянно в полевой сумке помимо документов находились книги. Бусов Иван Яковлевич, работавший в лесоустроительной партии съемщиком, много лет спустя вспоминал: «Николай Иванович любил книги, никогда не расставался с ними. Читал дома после работы, брал с собой, читал у костра. Помню, как мы работали в лесу возле Белоево, друг за другом читали роман Фадеева «Разгром», хотя некоторые из нас уже читали его. Николай Кузнецов увлек всех, заинтересовал каждого, говорил: «Прочти обязательно, какие герои эти Метелица и Левинсон, как мужественно дерутся наши партизаны».

Таким же способом читали мы произведения Горького, в том числе роман «Мать», роман Фурманова «Чапаев», роман Серафимовича «Железный поток», первые книги романа Шолохова «Тихий Дон», стихи Маяковского, Есенина, Блока, произведения других писателей и поэтов.

Надо заметить, Николай всегда носил и книги на немецком языке, читал нам их у костра. Не забуду, как он декламировал стихи Гете, Гейне, Шиллера в подлиннике. Мы слушали его и ничего не понимали. До сих пор в голове стихи Генриха Гейне. Особенно отрывок из одного стихотворения: Мы новую песнь, мы лучшую песнь

Теперь, друзья, начинаем.
Мы в небо землю превратим
Земля нам будет раем.

Нам было непонятно, что влекло Николая Кузнецова к немецкому языку, какая сила заставляла изучать его. Мы советовали ему бросить это дело, предлагали другие занятия, но Николай был непреклонен, не только читал в подлиннике произведения немецких писателей, но и делал выписки из книг, даже на немецком языке подписывал свои фотографии».

Систематическая направленность в изучении и освоении немецкой лексики, письменности коренным образом отразятся на дальнейшем образе жизни. Увлечение перерастет в изучение языка и культуры Германии глубочайшим образом, впоследствии это изменит всю его дальнейшую жизнь.

Кузнецов уже в юношеские годы, находясь в Кудымкаре, обладал незаурядными способностями располагать к себе людей. Сравнительно за недолгий период он успел обзавестись новыми знакомыми из педтехникума и окружной больницы, различных учреждений. Его знали в райкоме комсомола, лесном техникуме и краеведческом музее. Благодаря своим восхитительным лингвистическим данным, Николай в течение первого года работы в Кудымкаре

освоил произношение коми-пермяцкого языка в совершенной форме, что позволяло ему свободно контактировать с местным населением. Очевидно то, что сотрудники Окружного отдела ОГПУ не могли не заметить разносторонних интеллектуальных данных будущего агентурного сотрудника.

За летний период лесоустроительной партии, в которой находился Кузнецов, предстояло обработать огромные площади лесных массивов на Мечкорском и Лекубском участках Кудымкарской лесной дачи. При постоянной нехватке рабочей силы и прочих производственных неурядицах партия выполнила заданный объем уже в ноябре месяце. В зимние месяцы таксаторы занимались отчетной бухгалтерской документацией, подведением итогов выполненных объемов работ, составляли картографическое описание обработанной местности.

Еще летом братья Виссарион и Борис Николаевы, работавшие бок о бок с Николаем Кузнецовым, зная его предрасположенность к освоению немецкого языка, подсказали ему, что в педагогическом техникуме преподает математику и физику Вилесов Николай Михайлович. Николай Михайлович закончил физико-математический и историко-филологический факультеты Казанского университета. Любимец кудымкарской молодежи, составитель сложных шахматных партий, эрудированный наставник, отлично знавший коми-пермяцкий, латинский, французский и немецкий языки, Вилесов выписывал из Германии, Франции журналы и газеты, а также постоянно практиковался в произношении иностранных языков. Николай непременно выбирает удобный случай и обращается к Вилесову Н.М. с просьбой взять его в ученики по изучению немецкого языка. Кузнецов не один раз оказывался очевидцем шахматных партий между Вилесовым и преподавателем педтехникума Горбашевым Виктором Ивановичем.

Здесь следует отметить одну важную деталь: весь сеанс игры они общались только на немецком языке. Николай с восторгом наблюдал за такими «немецкими шахматными турнирами». Найти для себя преподавателя-наставника такого высокого класса было для Кузнецова большой наградой. Наставник и старший товарищ авторов, писатель из Кудымкара Конин Геннадий Константинович в своих воспоминаниях описывал: «Все, кто был участником игр и бесед Николая Кузнецова с Николаем Вилесовым, позднее вспоминали, что они за все время игры в шахматы не произносили ни одного русского слова. Говорили всегда по-немецки. Николай Михайлович учил молодого собеседника правильно произносить не только отдельные слова, но и целые предложения. Снабжал Кузнецова книгами и журналами, издававшимися непосредственно в Германии. Часто своему ученику наизусть читал целые произведения известных немецких классиков»...

Феноменальная память, прирожденные лингвистические способности, пристальное внимание позволяли Кузнецову еще более осознанно в совершенной степени усваивать многочисленные немецкие фразеологические обороты. Вилесов предоставил Николаю читать немецкую художественную, научно-популярную литературу. Он также преподнес своему ученику большое количество немецких терминов из различных областей науки и культуры, встречающихся в прессе и художественной литературе. Заслуженный учитель практиковал своего подопечного в правильном произношении и правописании, доступными методами объяснял особенности употребления лексики, терпеливо обучал чтению при помощи транскрипции. Наставник стремился в образцовой форме передать произношение фразеологических сочетаний, сохраняя при этом стилевую и экспрессивную окраску немецкой художественной речи.

Еще в апреле месяце Николай Кузнецов в кругу знакомых познакомился с обаятельной девушкой Еленой Чугаевой. После окончания Пермского медицинского техникума Елена по распределению была направлена в Кудымкарскую окружную больницу, в хирургическое отделение медицинской сестрой. Лена возглавляла профсоюзный комитет в больнице и являлась незаменимым постановщиком молодежных вечеров. Их объединяло многое: общие цели в жизни, молодость и дружба.

Зимними вечерами Лена помогала Николаю обрабатывать таксационные записи, переписывала собранный материал в журналы учета. Дружеские, теплые отношения в дальнейшем перерастут в более доверительные и близкие. Окружным Кудымкарским ЗАГСом 2 декабря 1930 года док. № 21 был зарегистрирован брак Кузнецова Николая Ивановича и Чугаевой Елены Петровны. Возможно, это первое упоминание в официальных документах Кузнецова по имени Николай. Молодожены снимали комнату у хозяйки небольшого дома – Суворовой Татьяны Николаевны.

Из воспоминания Чугаевой Елены Петровны: «Николай был хорошим другом, помощником. Дома бывал редко. Летом всегда находился в лесу с лесоустроительной партией. Зимой в командировках, участвовал в коллективизации. Когда выдавался свободный вечер, спешили в кино, на концерт, читали очень много произведений Горького, Маяковского, Есенина, Шолохова. Мечтали о дальнейшей учебе, строили планы на будущее.

Николай был прямым, смелым. Не раз рисковал собой, когда ездил организовывать колхозы, участвовал в компаниях по изъятию хлеба у кулаков. Очень любил охоту. Приносил домой всякую дичь. Без ружья никогда не уходил в лес. Я вместе с Николаем участвовала в воскресниках по благоустройству Кудымкара, в судах комсомольской чести, во всех молодежных мероприятиях, проводимых в окружном центре, в концертах...». Елена Петровна также в своих воспоминаниях выделила особенную черту в характере Кузнецова. «...Мы с Николаем не раз ездили к моим родителям в село Кува. В Куве Николай познакомился с поляком Галиновским Станиславом, который прекрасно знал не только польский, но и немецкий языки. Когда мы приезжали в Куву, Кузнецов обязательно находил предлог для встречи с Галиновским, чтобы поговорить с ним по-немецки. Я тогда не придавала этому серьезного значения...».

Молодожены прожили вместе недолго. В конце февраля между Николаем и Еленой произошла ссора, после которой даже общие друзья не смогли их примирить. Постановлением Кудымкарского ЗАГСа док. №223/1 4 марта 1931 года было вынесено решение о расторжении брака. Заведующая ЗАГСом была потрясена и шокирована тем, что ни Николай, ни Елена не поставили своей подписи в постановлении о разводе. За свою жизнь Елена Петровна ни разу не обмолвилась никому, что в молодые годы была замужем за человеком, впоследствии ставшим знаменитым легендарным разведчиком. Николай Иванович также никому об этом не рассказывал.

Заслуживает внимание тот факт, что такое обоюдное нежелание подписываться в документе записи акта о расторжении брака и длительное обоюдное молчание говорят о характерных чертах человеческих взаимоотношений. В дополнении своих воспоминаний Елена Петровна рассказала: «Летом 1934 года, сдав экзамены, я поступила в Пермский медицинский институт. Последний раз мы виделись с Николаем в 1938 году, когда он приезжал в Кудымкар за документами из Москвы». Только в 1966 году после встречи с писателем-историком Кониным Геннадием Константиновичем Елена Петровна удостоверилась в том, что именно этот Николай Иванович Кузнецов, который выполнял ответственные задания Центра в глубоком тылу Вермахта, легендарный разведчик, в далекой молодости был ее мужем.

Там же в Кудымкаре Николай постоянно обращается в окружной комитет ВЛКСМ с ходатайством о восстановлении его в комсомоле. Постановлением заседания Президиума Уральской областной конфликтной комиссии обкома ВЛКСМ 19 ноября 1931 года было разобрано заявление Николая Кузнецова.

«§5. Слушали: Заявление Кузнецова Н.И., год рождения 1911, в комсомоле с 1926 года, сын зажиточного крестьянина, сам служащий. Работает в Коми-Пермяцком округе лесоустроителем. Исключен Талицким Райкомом за сокрытие социального происхождения, как сын кулака – участника в белой банде. Кузнецовым предъявлены документы, опровергающие данное обвинение.

«§5. Постановили: Учитывая то, что предъявленное обвинение тов. Кузнецову не доказано – отец был в Красной Армии – решение об исключении отменить, в комсомоле Кузнецова восстановить».

**ПЕРВЫЙ
ОБЩИЕ**

№ п/п	ВОПРОС	ОСНОВАНИЕ	Отм.
1	Родился ^в 1911 году УИ мес. 27 чис.	Паспорт № 002336	
2	Национальность РУССКИЙ		
3	Социальн. положение: 1) Рабочий. 2) Крестьянин 3) Служащий или 4) _____	<i>Синдикалист</i>	
4	0) Самообразование 1) Низшее. 2) Незаконч. среднее 3) Среднее 4) Незаконч. высшее. 5) Высшее	Справка Талицкого Лесного Техникума от 31 декабря 1929 г. № 482.	
5	Профессия: <i>Массажист</i> <i>Терапевт</i> <i>Массажист</i> со стажем 3 лет	<i>Терапевт</i> <i>Массажист</i> со стажем 3 года.	
6	0) Беспартийный 1) Член ВКП(б) 2) Кандид. чл. ВКП(б) 3) Член ВЛКСМ		
7	0) В профсоюз. не состою. 1) Член профсоюза <i>Леса и стлжи</i> с 1 1928 г.	<i>Лист № 1027865</i>	
8	0) На военном учете не состою 1) рядового группа 66 катог.	Военный билет от 16/1-33 г. Кудымкор. военный стол.	

Полное имя, датируемое сведениями *Н. Кузнецов 1934 г.*

Общие данные из трудового списка Н.Кузнецова. (публикуется впервые)

В должности исполняющего обязанности окружного лесовода Кузнецов отводил площади сосновых лесов для подсосочки в Кочевском районе. Там в Кочеве произошла встреча Николая Кузнецова с уполномоченным Кочевского райотдела ОГПУ Овчинниковым Иваном Федоровичем. Николай обратился за помощью, так как промысловые рабочие, занятые добычей и заготовкой сосновой смолы в кочевских лесах, жаловались на постоянные нападки бандитов. Рабочие просили вооружить их охотничьими ружьями для собственной безопасности. Овчинников И.Ф., выслушав Кузнецова, спросил:

– Разве старший рабочий Хозяшев не докладывал, что он уже два ружья подарил бандитам? Рабочие сами оставили ружья в шалаше, а бандиты забрали их и используют их в грабежах и насилиях. Опытный чекист, участник Гражданской войны, Иван Овчинников, как знаток человеческой психологии, после официальной части разговора поинтересовался, куда Кузнецов держит путь, посоветовал ему на опасном перегоне между Юксево и Косой быть предельно внимательным и смотреть в оба – от бандитов можно ожидать всякую пакость.

Через много лет Овчинников И.Ф. в своих воспоминаниях писал: «Николай Кузнецов с первого взгляда произвел на меня благоприятное впечатление, а после неофициальной беседы я понял, что он является очень хорошим человеком, эрудированным в любых вопросах». Кузнецов отчетливо осознавал, в каких нелегких условиях приходилось местным чекистам вести борьбу с бандитизмом, выявлять и обезвреживать зачинщиков и подстрекателей антисоветских мятежей и восстаний. Ценою собственной жизни сотрудники ОГПУ вели ожесточенную борьбу с бандитизмом. Подкулачники и бандиты убивали комсомольцев, партийных и ответственных работников, организаторов колхозов, не щадили местное население.

Наследник ВЧК, Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) в тридцатые годы ведет беспощадную войну с внутренними и внешними врагами советского государства, стремящимися подорвать экономический и политический строй в СССР. Уполномоченные сотрудники ОГПУ-НКВД Коми-Пермяцкого нацио-нального округа выполняли все поставленные перед ними задачи, проявляя при этом мужество и героизм, порой не щадя своих жизней. Заслуженные чекисты, многие из них прошли огонь Гражданской войны:

Боталов Б., Конин К., Овчинников И.Ф., Радостев Е.Е., Кашин П.Я. – их имена вошли в страницы истории создания Коми-Пермяцкого ОГПУ. Там же, в Кудымкаре, Николай Кузнецов познакомился с участником Гражданской войны Вогулкиным Петром Константиновичем, который неоднократно рассказывал Николаю о героизме бойцов Красной Армии в боях с колчаковцами, как брали Перекоп и Каховку. Вогулкин П.К. служил в разведподразделении в 51-й стрелковой дивизии под командованием Блюхера. Позднее Петр Вогулкин познакомил Николая Кузнецова с еще несколькими участниками Гражданской войны: с уполномоченным окружного отдела ОГПУ – чекистом Радостевым Егором Ефимовичем, кавалером ордена Красного знамени и Кашиним Павлом Яковлевичем – сотрудником ОГПУ с 20-х годов, кавалером двух орденов Красного знамени, проживающем в Гайнах, недалеко от Кудымкара.

Старая гвардия, ветераны ВЧК-ОГПУ-НКВД коми-пермяки по национальности произвели на Николая неизгладимое впечатление. От них он узнал о массовом героизме бойцов Красной Армии в годы Гражданской войны, и в частности о смелых людях, которые служили в разведке. Вышеупомянутый Кашин Павел в 23 года командовал дивизионной разведкой, неоднократно со своим подразделением переходил линию фронта для сбора и составления информации о дислокации частей противника, наносил точечные удары по штабным учреждениям. Многие операции разведчики проводили переодетыми в белогвардейскую форму. Самой успешной операцией, проведенной Кашиним в тылу противника, считалась операция по взятию в плен живым генерала Пепеляева и захвату его штабных документов. В кратчайший период времени плененный генерал и документы были переданы командованию РККА. Эта история станет для Кузнецова образцово-показательной в его будущей оперативной деятельности.

За этот зафронтной рейд Павел Кашин был награжден именными часами и именным оружием. После Гражданской войны Кашин становится чекистом и вновь не один раз с риском для жизни участвует в операциях по ликвидации бандитизма. Особенно Николай Кузнецов ценил свои отношения с кадровым сотрудником ОГПУ Егором Радостевым. В период Гражданской войны Егор Ефимович возглавлял развед-подразделение, успешно выполнил несколько заданий в тылу колчаковских соединений. Радостев один, без прикрытия, в крестьянской оборванной одежде или в форме белогвардейского солдата собирал оперативную информацию о направлении, дислокации частей противника. Многократно в одиночку брал в плен солдат и офицеров колчаковских частей. Егор Радостев, создав легендарный образ белогвардейского солдата, отставшего от своего подразделения, провел несколько успешных разведывательных операций в тылу противника.

Позже Кузнецов Николай вместе с оперативными сотрудниками ОГПУ и милиции, а также с добровольными помощниками не раз принимал участие в ликвидации бандитских групп в местных лесах. Там же, в Кудымкаре, Кузнецов Николай из таксатора 2 разряда 2-й лесоустроительной партии ЛМЗ превратился в агента ОГПУ под кодовым именем «Кулик». Завербовал его и привлек к сотрудничеству Коми-Пермяцкий Окружной отдел ОГПУ.

Авторы приводят текст подписки Николая Кузнецова о сотрудничестве с Окружным отделом ОГПУ.

Подписка (Орфография и стиль документа сохранены)

«Я, нижеподписавшийся гр-н Кузнецов Николай Иванович, даю настоящую подписку Коми-Пермяцкому Окр. Отд. ОГПУ в том, что я добровольно обязуюсь сообщать о всех замеченных мною ненормальных случаях как политического и так же экономического характера. Явно направленных действий к подрыву устоев Сов. Власти, от кого бы они ни исходили.

О работе моей и связи с органами ОГПУ и данной мной подписке обязуюсь никому не говорить, в том числе своим родственникам. В случае нарушения своей подписки подлежу к строгой ответственности внесудебном порядке по линии ОГПУ.

10 июня 1932г. Н. Кузнецов».

Подписка
6

Николай Кузнецовичу
Кузнецов Николай
Иванович даю удостоверение
подписку Кав. Термостату
кв. 101, 102, в том, что
я добровольно обязуюсь
соблюдать все правила
и условия неуплатки
денег как помесячно
и так же 3-х месячных
карттера. Явно и направленные
срочными и подрыву чужих
дел власти. АИ 101-84
Ваше не выходим. О работе
ваше и семье с организаци
онной и домашней. Ваше под
писание обязуюсь не нару
шить никаких условий, а также
своими родственниками
в случае нарушения свое
подписку. Подписку К. Сирогов
автоматически введет
в порядок по АИ 101

По одной из версий, такие персональные качества Николая Кузнецова, как: великолепная память, собранность, феноменальные лингвистические данные, способность выполнять поставленные задачи в отдаленных поселениях с риском для жизни – не могли быть незамеченными чекистами из Окружного отдела, и ОГПУ «положило на него глаз».

В июне 1932 года был проведен обыск по адресу: Кудымкар, ул. Ленина, №8, где Николай снимал комнату. При обыске был обнаружен пистолет и патроны к нему. Сам Кузнецов был арестован следственными органами и первоначально находился под арестом. Через несколько

дней он был освобожден под подписку о невыезде. Так же были арестованы еще несколько человек из состава лесоустроительной партии во главе с заведующим лесоустройством Никольским. Заведующий лесоустройством обвинялся в составлении подложных ведомостей и незаконном присвоении денежных средств. В ноябре был оглашен приговор: зав. лесоустройством был осужден на 8 лет, еще несколько подсудимых были приговорены к различным срокам заключения. Также был вынесен приговор и Кузнецову Николаю, обвиненному по статьям 59 и 11 УК РСФСР «Особо опасные для СССР преступления против порядка управления». Кузнецов не был причастен к составлению подложных документов и незаконному получению денег и лесоматериалов. В ходе следствия следственные и судебные органы обвинили Николая в халатности и приговорили его к одному году исправительных работ по месту жительства. Согласно судебному приговору, Николая исключили из комсомола, уже вторично.

Возможно, судебные органы учитывали рекомендательные отзывы сотрудников Кудымкарского Окружного ОГПУ. В тридцатые годы чекисты несли ощутимые потери в личном составе. Постоянная нехватка кадровых сотрудников негативным образом отражалась на оперативной работе, нерегулярном поступлении информации, и не всегда была возможность проведения предварительного анализа оперативной обстановки. Учитывая высокоэрудированные персональные качества Кузнецова, руководствуясь и опираясь на многолетний опыт, чекисты интуитивно предугадывали будущее и дальнейшее становление «Кулика» как исключительно результативного агента. В этом случае интуиция кадровых сотрудников Коми-Пермяцкого ОГПУ не подвела.

Руководство Окружного Отдела ОГПУ ставит перед Кузнецовым новые задачи: вести разработки ссыльных эсеров и других политически неблагонадежных, контрреволюционных элементов, выявлять лиц, агитирующих крестьянство на вооруженную борьбу против Советской власти.

Под видом кулака, сбежавшего с поселения, «Кулик» был направлен в Юрлинский район для выявления контрреволюционного подполья. Как агенту-маршрутнику, ему приходилось посещать отдаленные поселки и в беседах с местным населением устанавливать контакты, выяснять и получать сведения оперативного характера. Вероятно, в силу неопытности, возможно эмоциональной горячности не всегда все проходило так, как нужно, возможно, Кузнецов допускал какие-то ошибочные отклонения от инструкций. Возможно, на первых порах оперативные сотрудники ОГПУ в силу сложившихся обстоятельств не в полной мере проводили агенту «Кулику» инструктаж и обучение по специальной подготовке индивидуального характера.

Допущенные промахи, ошибочные действия позднее станут причиной для применения против Кузнецова жестких мер взыскания. По отзывам его куратора Нач. Отд. ОГПУ Тэниса, после выполнения поставленной задачи в Юрлинском районе агент-маршрутник «Кулик» заслуживает лучшей похвалы.

За весь период проживания в Кудымкаре Николай всего один раз, в 1932 году, смог вырваться к родным в город Свердловск. К тому времени сестра Лидия, мать Анна Петровна и брат Виктор уже обосновались в Свердловске.

Из личных вещей Кузнецов имел книги его любимых писателей и несколько экземпляров немецких авторов на немецком языке, в том числе и немецко-русские словари.

В марте 1933 года в возрасте 55 лет скончалась мать Анна Петровна.

В течение одного года исправительных работ Николай работает счетоводом в Леспромхозе, позднее ему пришлось еще трижды менять место работы. По одной из версий, его трудовая деятельность была связана с нивелирной съемкой местности в Ленинградской области. Последней записью в трудовом списке в период работы в Коми-Пермяцком округе значится «счетовод Кудымкарской Кустпромартели «Красный Молот».

Здесь, в Кудымкаре, по воле судьбы Николай Кузнецов познакомился со своим ровесником Журавлевым Михаилом Ивановичем. На тот момент Михаил Журавлев работал секретарем Ленинского райкома Ленинградского горкома ВКП(б). В Кудымкар был направлен в служебную командировку, где ему предстояло организовать заготовки лесоматериалов и отправить их для нужд Ленинграда и области. Эта встреча для Николая Кузнецова будет иметь немаловажное, решающее значение, хотя в этом и была доля случайности.

Журавлев имел опыт заводской и партийной работы и впервые столкнулся с лесозаготовками. Он также отчетливо понимал, что с такой задачей ему одному не справиться. И здесь в его поле зрения попал Николай Кузнецов. В ходе решения производственных вопросов Кузнецов проявил себя с наилучшей стороны и по праву заслужил только положительные отзывы. Журавлев познакомился с ним поближе и открыл для себя высокоэрудированного, одаренного человека с поразительными лингвистическими способностями. С той поры Михаил Журавлев «взял Николая Кузнецова на особую заметку».

В Кудымкаре за четыре года работы Кузнецов познакомился и подружился с людьми разных профессий и возрастов. Ко многим из них он сохранил на постоянной основе доверительные, искренние, по-человечески теплые отношения. Огромное желание учиться, стремление к совершенным формам дальнейшего освоения иностранных языков и агентурной деятельности заставляют Николая Кузнецова обратить внимание на столицу Урала – город Свердловск, центр тяжелого машиностроения и металлургической промышленности. Николай принимает твердое решение и в июне 1934 года переезжает в Свердловск.

По неподтвержденным данным, Кузнецов попытался устроиться в Ленинграде. Но из этого ничего не получилось.

Согласно приказу № 127, в июле месяце его принимают на должность статистика в управление Свердлеса. Первое время он жил у сестры Лидии, позже у брата Виктора, который работал шофером на «Уралмашинстрое». Виктор постоянно рассказывал, с каким грандиозным размахом ведется строительство производственных цехов на заводе-гиганте.

3 октября 1934 года Кузнецова арестовывают (уже вторично) и помещают во внутреннюю тюрьму Свердловского Управления НКВД. Его обвиняли в том, что он еще в Кудымкаре «сообщал провокационные сведения на ряд лиц..., обвиняя их в контрреволюционной повстанческой деятельности против Советской власти».

В агентурной работе существует анализ ошибок и провалов, упущения, проводится оценка возможностей на «дальновидность». Каким образом фальсификация Коми-Пермяцкого Окружного отдела вылилась наружу, нам трудно предположить.

Создавая свой агентурный аппарат в 30-е годы, уральские чекисты применяли нестандартные методы и приемы оперативной деятельности. Вскоре Кузнецова освобождают, после многочисленных заявлений его немедленно привлекают к оперативной агентурной работе. Возможно, в тот период ему помогли товарищи из Ленинграда. В личном деле ему присваивают новое кодовое имя «Ученый». С этого момента ему предстоит сотрудничать и держать связь с Областным Свердловским Управлением НКВД. Ведущий специалист после консультаций и инструктажей, убедившись в преимущественных агентурных возможностях «Ученого», поставил ему цель и дальнейшие задачи. Кузнецову предстояло «разрабатывать и вести» иностранных инженеров и спецов, работавших на заводах Свердловска. Степень и уровень знания немецкой разговорной речи на тот период позволяли ему «номинально» включаться в разговор или слушать, о чем разговаривают иноспецы.

На заводе «Уралмашинстрой» (будущий УЗТМ) из трехсот иностранных специалистов, прибывших из Германии, Австрии, Англии, Индии, Финляндии, большинство (135 человек) составляли немцы. Инженеры и техники из Германии также принимали участие в строительстве и проектировании многих металлургических заводов, расположенных на Урале.

СССР после Гражданской войны, не обладавший достаточным количеством квалифицированных кадров, стремился привлечь для создания новых заводов и фабрик и их освоения иностранных специалистов и рабочих, которые смогли бы передать свои опыт и знания. В директиве ВКП(б) обозначалось: «Привлекая иностранную помощь к реконструкции промышленности и организации новых производств, необходимо в этом деле добиться таких темпов, которые позволили бы нашей стране в кратчайший срок впитать в себя новый опыт и важнейшие достижения передовой техники...»

К началу 1934 года Урал стал крупнейшей индустриальной крепостью Советского союза, основной базой производства высококачественного металла и центром с многочисленными высшими учебными заведениями.

В связи с присутствием в Свердловске большого количества иностранных специалистов перед сотрудниками ОГПУ-НКВД ставились совершенно новые оперативные задачи. Предстояло вести постоянное оперативное наблюдение, создавать дополнительные каналы получения агентурных сведений, анализировать поступающую информацию. А также свердловским чекистам необходимо было выявлять агентов иностранных разведслужб, активизировать разработки иноспецов, подозреваемых в шпионаже и вредительстве, в организации подрывной деятельности против СССР.

Не без помощи кураторов Николай Кузнецов поступает работать на Уральский завод тяжелого машиностроения в должности расцеховщика в БТК (Бюро Технического Контроля) Конструкторского отдела с испытательным сроком. Из производственной характеристики (стиль и орфография документа сохранены):

«Принятый на должность расцеховщика в БТК Конструкторского отдела тов. Кузнецов Н.И., будучи на испытании с 5/V по 5/VI-35 г, проявил себя как хороший работник с первых дней. Усвоил за испытательный срок возложенные на него обязанности прекрасно. Работой интересуется, стремится к ее усовершенству. В целях создания бесперебойного снабжения цехов чертежами т. Кузнецов работает не покладая рук и готов выйти на службу при первом его вызове. В общественной работе участвует, соревнуется и т.д.».

9/VI-35 г.

Производителю
 Принимая во внимание
 тов. Кузнецов Н. П. буд
 проявил себя как кор
 Говорю за Ильюча. Про
 цохранено. Работой
 усовершенствуй.

В целях создания беспу
 сти. т. Кузнецов. Рабо
 втут и по существу. Цо
 В общественной работе

Зав. б.т.

Зав. Групп.

9/11-35.

Проф.

Производственная характеристика Николая Кузнецова в период работы на "Уралмашинострое"

Работая в конструкторском отделе, он с увлечением осваивает, изучает техническую литературу как советского, так и немецкого производства. Соблюдает весь технологический период прохождения конструкторской документации и чертежей по цехам завода. Частое посещение различных цехов давало ему возможность детально иметь представление о производственной базе гиганта Советской индустрии.

В обязанности расцеховщика входило обязательное содержание чертежей и спецификаций к ним в надлежащем состоянии. И естественно, уметь разбираться в сложных чертежах. Данная должность в полной мере позволяла агенту «Ученый» вести оперативный контроль, появляться в нужном для него месте в любое время, проводить встречи от слесаря до заведующего цехом или отделом.

Специалист конструкторского отдела Ларионова Вера Всеволодовна в послевоенный период вспоминала:

«В 1935 году к нам в отдел пришел молодой человек, это был Кузнецов. Мне запомнилась его внешность: широкоплечий, высокого роста, блондин со светло-серыми глазами. Поражала его аккуратность. Кузнецов всегда приходил на работу в белоснежной накрахмаленной сорочке, тщательно выбрит.

В конструкторском отделе наши столы стояли рядом. Однажды вечером (это было поздней осенью) начальник бюро послал меня с Николаем Ивановичем в цеха исправлять техническую документацию. На заводской площадке нам пришлось переходить канаву, покрытую льдом. Не желая терять времени, мы решили идти напрямиком. Лед не выдержал. И тут Николай Иванович подхватил меня на руки и, проваливаясь по колено в студеною воду, вынес меня на сушу. Его элегантный костюм вымок, но он не обратил на это внимания.

Любимым писателем Николая Ивановича был Горький. Кузнецов часто говорил нам: «Девушки, любите Горького!» Наши модницы в ответ нет-нет и состряп: «А тебя?..» Он смеется: «Можно!»

По условиям работы нам часто приходилось задерживаться вечерами. Сидим, бывало, иногда за полночь, уставшие, и вдруг встанет Николай Иванович и начнет декламировать «Песню о Соколе». Усталость сразу пропадала».

Здесь, на Уралмашзаводе, Кузнецов поистине получил щедрый подарок судьбы. В конструкторском отделе работали как советские, так и немецкие конструкторы. В производственных цехах, начиная от станочника и до инженера, трудились специалисты из Германии. Такая возможность общаться ежедневно с чистейшими «носителями» немецкой разговорной речи открывала перед Николаем совсем иные, более широкие горизонты.

Кузнецов по роду служебных обязанностей часто общался с иноспецами. В прокатном бюро старшим инженером работал немецкий конструктор Заттлер Генрих, приехавший из Кельна по договору от Торгового представительства СССР в Германии. Член коммунистической партии Германии, автор нескольких изобретательских предложений, на УЗТМ с 1930 года, конструктор по прокатному устройству, Заттлер был приметным человеком из «немецкой колонии». Страстный любитель и организатор шахматных турниров, высокоэрудированный инженер, он постоянно находился в центре внимания заводских специалистов. Кузнецов не мог пройти мимо такого талантливого немецкого конструктора, и на почве изучения немецкого языка он завязывает с Заттлером доверительные отношения. А тот, в свою очередь, помог Кузнецову внедриться и освоиться в обществе «немецкой колонии». На тот период Генрих Заттлер являлся, по сути дела, «немецким наставником» для Николая Кузнецова.

Генрих Заттлер

Из воспоминаний брата Виктора Ивановича:

«Николай мне рассказывал: «Когда я впервые в обществе немцев попробовал заговорить на отвлеченные темы, они холодно приняли меня в своей компании. Как потом объяснил мне знакомый инженер Заттлер, высокомерных иностранных спецов шокировал, в первую очередь, мой «славянский костюм», слишком провинциальный для изощренных в модах европейцев. И я решил доказать всем этим чванливым Мунгам, Митгам, что могу выучить и в совершенстве овладеть не только их родным языком, но и показать, что я лучше их знаю историю и культуру

немецкого народа, знаю творения Шиллера и Гете, Лессинга и Гейне, а они – лишь ходячие сухие формулы инженерного дела...»

В короткий период времени Кузнецов изучил манеры, стиль, вкус выбора европейской верхней одежды, предпочтение которой отдавали инженеры из Германии. Многие сослуживцы вспоминали, с каким оригинальным вкусом Николай Иванович мог одеться «под немца». Серая шляпа, брюки-бриджи или серый, стального цвета, костюм, экстравагантный плащ, заграничные туфли или ботинки. Обязательно носил ослепительной белизны рубашки и красивые галстуки. Постоянными элементами, присутствующими в его одежде, были трость, очки в роговой оправе и обязательно немецкий журнал в боковом кармане пиджака или пальто. В нем было много необычного, отличающего его от сверстников и сослуживцев.

На тот период хорошее знание немецкого языка, чтение немецких технических текстов и перевод на русский язык давало Николаю преимущество в более точном и профессиональном внедрении и применении конструкторских решений в технологическое производство. Помимо служебных обязанностей, Кузнецов добровольно предложил свои услуги по переводу немецкой технической, проектной документации и каталогов. Поступавшее на «Уралмашинстрой» оборудование из Германии было укомплектовано формулярами и документами только на немецком языке. Для монтажных работ, ввода в эксплуатацию требовались предельно сжатые сроки по времени, а также создавалась необходимость экстренного перевода всей немецкой сопровождающей документации на русский язык. Неоценимую помощь в этом направлении оказывал Николай Иванович, что позволяло конструкторскому отделу в кратчайшие сроки осуществлять технологический ввод в эксплуатацию немецкого оборудования и станков.

Кузнецов и после продолжительного рабочего дня не упускал момент, чтобы пообщаться на немецком с иноспецами. Шахматные партии с братьями Заттлер, Генрихом и Паулем, он проводит, соблюдая только немецкую терминологию. Такие методичные уроки «немецкой шахматной игры», сопровождаемые набором специальных терминов, Николай Кузнецов воспринимал с предельно собранным чувством аналитической стратегии.

Проводимые партии в шахматы и наблюдение за происходящими турнирами способствовали развитию особого таланта логического мышления у будущего контрразведчика. Участие в шахматных турнирах с немецкими инженерами не только расширяло кругозор, но и приучало мыслить самостоятельно, без шаблона, позволяло анализировать обстановку и, как следствие, принимать обоснованные решения. Немцы и австрийцы, с которыми Николай Иванович был знаком, не верили, что он простой деревенский парень. По их убеждению, Николай был отпрыском немецких колонистов, и в беседах с ним вели весьма откровенные разговоры. Иноспецы признавались ему, что русские не в состоянии создавать свою хорошую технику и машиностроение. Иностранцы специалисты, работавшие на «Уралмаше», были поражены тем, что на строительстве цехов применялся только ручной труд.

Углубленное изучение Германии, ее истории, культуры, экономики и технического потенциала уже тогда позволяло Кузнецову составлять анализ возможностей германской промышленности. К середине тридцатых годов кадровые сотрудники Свердловского областного Управления НКВД в целях совершенствования и изыскания дополнительных каналов поступления информации оперативного и технического характера столкнулись с трудностями. Для внедрения не хватало «настоящих немцев». Чекистам предстояло вновь «создавать» дополнительный «агентурный немецкий аппарат». Одним из таких был спец-агент под кодовым именем «Ученый».

Выписка из служебной характеристики Свердловского УНКВД:

«Находчив и сообразителен, обладает исключительной способностью завязывать необходимые знакомства и быстро ориентироваться в обстановке. Обладает хорошей памятью...»

Перед ним ставятся все более сложные и ответственные задачи оперативно-агентурной деятельности.

Многие биографы Н.И. Кузнецова утверждают, что в период работы в Свердловске он закончил вечернее отделение Индустриального института. В своих воспоминаниях сестра – Лидия Ивановна и брат – Виктор Иванович тоже подтверждают эту страницу биографии легендарного разведчика. Так это или нет, для авторов остается загадкой, одной из невыясненных тайн. По одной из версий, Кузнецов был включен в список учащихся курсов по изучению немецкого языка в Индустриальном институте и успешно закончил их.

Ведущие специалисты-аналитики из Свердловского Наркомата Внутренних Дел справедливо предполагали дальнейшее создание каналов получения детальной информации о промышленных проектах и технологиях Германии. Свердловским чекистам также предстояло сделать все возможное и невозможное, чтобы не допустить утечки технической информации стратегического характера в европейские страны.

Прибывшие на «Уралмашинстрой» иноспесы в основном подписывали контракты по линии «Спец-бюро» с целью хорошо заработать как в рублях, так и в валюте. Некоторые вынуждены были искать место работы в связи с безработицей и кризисом. Были и такие, кто спасался от пришедших к власти нацистов.

В марте 1933 года по линии «ВОМТ» на УЗТМ прибыл австриец Рааб Генрих. Высококлассный токарь из механического цеха № 1, Рааб, как и все немцы и австрийцы, отличался трудолюбием и аккуратностью. Как музыкант, он постоянно принимал участие в проводимых концертах. Рааб, как и многие иноспесы, принимал активные действия в создании библиотеки на родном языке.

Немецкая библиотека в «колонии» пользовалась большим успехом. Естественно, что такой возможностью не мог не воспользоваться Кузнецов. Знакомые немцы помогли Николаю стать абонентом этой превосходной библиотеки. Как истинный ценитель классической литературы Германии, Кузнецов заводит дружбу с Генрихом Раабом.

Австрийский станочник, ввиду схожести взглядов и убеждений, проводит для Кузнецова занятия по шлифованию немецкого языка и письменности. Важной составляющей таких уроков было знакомство с бытовыми, домашними особенностями немцев и австрийцев, изучение их взаимоотношений в кругу семьи.

В «колонии» немцев постоянно проводились национальные праздники, где исполнялись народные песни Германии под аккордеон.

В Свердловске немцы вели полноценный образ жизни, посещали театры, филармонию, деловой клуб.

Там же, на заводе, Кузнецов познакомился с немецким специалистом Мартином Ренгером. Немецкий коммунист Ренгер произвел на Кузнецова впечатление как толковый специалист с немецкой основательностью и аккуратностью. Мартин предметно и содержательно объяснял своему ученику особенности произношения немецкой лексики.

Немцы с симпатией относились к Николаю, считая его своим. Он был вхож в «немецкую колонию» и часто бывал у немцев дома, постоянно обменивался с ними немецкой литературой, журналами и грампластинками. Находясь среди немецких специалистов, Кузнецов часами слушал арийскую речь, впитывал ее эмоциональную окраску, старался перенять манеры их поведения.

В своих воспоминаниях авторам сын Мартина Ренгера, Манфред, рассказывал: «Семья Ренгер проживала в маленькой однокомнатной квартире, где часто собирались семьи немецких специалистов. К ним в гости часто наведывался Кузнецов и в период длительного времени постоянно наблюдал, как немецкая семья ведет бытовой образ жизни. Неподвижно сидя на стуле в углу комнаты, он впитывал как губка в себя все нюансы, привычки, жесты и бытовые термины немцев. В семье был маленький ребенок, которого нужно было кормить, усыплять, стирать пеленки, из-за чего многочасовое присутствие Кузнецова Николая в семье Ренгер приводило к определенным неудобствам. Там же Кузнецов усваивал домашние привычки немцев,

одной из которых обязательно являлось: «прежде чем немец сядет на стул, он его протрет от пыли носовым платком»...

По воспоминаниям очевидцев тех лет, в тот период Николай научился свободно владеть немецким разговорным языком, уверенно освоил чтение и письменность как обычным, так и готическим стилем.

Посещая семью Ренгер, Николай Иванович знакомится с австрийцем Альфредом Сабо. Тот, в свою очередь, познакомил Кузнецова с культурными обычаями австрийцев, с их диалектизмами, с правильным арийским произношением. Общаясь с немцами и австрийцами, чистейшими «носителями речи», приехавшими из различных уголков федеральных земель Германии и Австрии, Кузнецов осваивает пять диалектов и наречий немецкого языка.

В конструкторском отделе работал старший конструктор основного оборудования прокатных устройств Эрих Бэр. Прибывший из Тюрингии в 1931 году, конструктор Бэр быстро освоился в коллективе и часто с советскими сослуживцами в выходные дни выезжал за город. В таких коллективных загородных поездках Кузнецов был самым активным участником. Сослуживцы с восторгом наблюдали, как Николай Иванович и конструктор Бэр вместе распевали немецкие песни.

Немецкий инженер, несмотря на большую разницу в возрасте (он был старше Кузнецова на семнадцать лет), относился к Николаю доверительно. В дальнейшем в знак признательности он подарил Кузнецову свой заграничный кожаный портфель.

«Уралмашинострой» стал для Кузнецова не только хорошей жизненной школой, но и своеобразным трамплином в его дальнейшей агентурной деятельности.

Обстановка в комнате, где проживал Кузнецов, была весьма простая и скромная – письменный стол, специально привезенный Николаем, и несколько стульев, этажерка, заставленная книгами, журналами из Германии, немецкими словарями. Также был патефон и множество грампластинок как отечественных, так и немецких. На стене висела большая карта СССР. В углу стояла железная кровать. Скромная комната содержалась в стиле «образцового немецкого порядка».

По воспоминаниям родственников, Николай не курил, не употреблял спиртные напитки, вел холостяцкий образ жизни. Он с любовью относился к детям и часто угощал их сладостями. Эту особенную черту он сохранит и в годы войны, находясь в глубоком тылу противника. Для детей, находящихся на базе резидентуры «Победители», постоянно привозил из города различные угощения.

В вечернее время после работы Николай продолжает целенаправленно работать над собой, целеустремленно много читает, большую часть времени он уделяет переводам из немецких журналов и технических справочников. В день он мог заучивать двести-триста немецких слов без какого-либо затруднения.

Из воспоминаний Анны Усовой:

«Бывало, что перевод не получался, он сердился, потом бросал все со словами: «Надо проветриться!» Помню, зимой он выбегал в одной рубашке на улицу, натирал снегом виски, шею и голову, и раскрасневшийся, снова бодрый садился за работу».

Своими воспоминаниями с авторами поделилась очевидец того времени, сотрудница конструкторского отдела – Людмила Сергеевна Панфилова-Сатовская.

«В тридцатые годы я работала на УЗТМ в конструкторском отделе и хорошо помню Кузнецова Николая Ивановича. Одевался он так, что все на него обращали внимание; придет утром на работу как франт, на нем оригинальные брюки, белая рубашка, заграничный пиджак, обязательно шляпа и трость. Все сотрудники отдела обращались к нему только «Николай Иванович». Он постоянно подолгу общался с немцами и везде носил под мышкой немецкий разговорник. Многие сотрудники отдела считали такое увлечение иностранным языком как нечто вроде пижонства.

Я обратила на него внимание, он легко со всеми знакомился, деликатно, культурно разговаривал. Речь у него довольно правильно поставленная. Николай Иванович много раз после работы провожал меня до дома на другой конец города. Однажды вечером, провожая меня, он неожиданно с русской речи перешел на немецкую, и в течение приблизительно тридцати минут говорил мне только по-немецки. Я ничего не понимаю, но по выражению лица и доброму взгляду, догадалась, что это жест в знак признательности.

Особенно мы подружились во время воскресных загородных поездок. Меня смущало то обстоятельство, что он всегда в обществе иностранцев. В беседах с ним я часто спрашивала Николая Ивановича: «Почему вы постоянно с немцами?» На что он лаконично отвечал: «Надо тренироваться, чтобы не забыть, что учил раньше в школе».

В то время Николай Иванович для своих лет был достаточно развитый, деликатный человек, на работе в отделе держался на особицу»...

Центр металлургической промышленности и машиностроения, детище индустрии – Урал, с многочисленными заводами, производившими в том числе и военную технику, с мощным производственным потенциалом представлял большой интерес для западных разведслужб. По этой причине меры защиты и сохранности, применяемые сотрудниками контрразведки Свердловского УНКВД, были самые тщательные. Тогда это была пробная технология. В том невидимом противоборстве дуэль разведок не прерывалась никогда.

Чекисты легендированно создали несколько источников технической дезинформации. Также агентурные сотрудники смогли установить прочные «контакты» с иностранными специалистами, что позволило получать исключительно важную информацию оперативного характера. В этой обстановке не исключалось, что некоторые иноспецы занимались шпионажем в пользу нацистской Германии. Одной из ключевых фигур в выполнении этих операций по праву считается спец-агент «Ученый».

В январе 1936 года Николай Иванович переходит на другую работу. Его «устраивают» сотрудником в редакцию газеты «За тяжелое машиностроение». Ему предстоит выполнять все более сложные задания.

Специально разработанная ведущими оперативными сотрудниками легенда для спец-агента «Ученый» состояла из нескольких составляющих. Специально придуманное обвинение по довольно грозной статье 58-10 и 50-10 УК РСФСР с формулировкой «контрреволюционно-террористическая агитация» придавало Кузнецову весомые позиции в определенных кругах интеллигенции и среди иноспецов. Его подвергают аресту и помещают в тюремный спецкорпус НКВД. Ему пришлось пройти довольно сложные лишения и испытания с факторами риска, прежде чем оперативный уполномоченный 4-го отдела, согласно «легенде», вынес постановление. «Предварительное следствие о гр-не Кузнецове Николае Ивановиче производством прекратить и гр-на Кузнецова из-под стражи освободить». Ему предстояло приступить к выполнению следующей поставленной задачи.

Кузнецов не упускает возможность посещать драматический театр, побывать на очередной премьере спектакля или классической арии. Постоянно проводит время в деловом клубе, в общении с иноспецами и творческими людьми искусства. Там он знакомится с оперной певицей и исполнительницей романсов Молочниковой Юлией Владимировной. Польша по национальности, она была постоянным организатором концертных мероприятий. Молочникова впервые ввела Кузнецова в мир театральной жизни. Николай Иванович стал поклонником творчества Юлии Владимировны и благодарным учеником по изучению польского языка. У Молочниковой были больные ноги, и Кузнецов всячески старался помочь ей.

Ввиду перевода мужа Молочниковой в Москву, в Наркомат тяжелого машиностроения, ей пришлось следовать за мужем в столицу. В тот период она испытывала обостренное болезненное состояние. По воспоминаниям очевидцев, из зала ожидания в купейный вагон Юлию на руках нес Николай Иванович.

Это были его первые шаги в мир театрального искусства. Постоянное общение с богемой, театральными деятелями и артистами позволят Кузнецову в будущем применить эту тактику в более масштабном варианте.

В середине тридцатых годов произошла встреча, которая в дальнейшем определила жизненный и профессиональный путь Кузнецова. Как описывалось ранее, Николай знакомится с партийным работником из Ленинграда Журавлевым Михаилом Ивановичем. После завершения обучения на краткосрочных курсах при высшей школе НКВД Журавлеву присваивают звание капитана госбезопасности и назначают на должность Народного Комиссара Внутренних Дел Коми АССР в Сыктывкаре. Перед назначением на должность Михаила Ивановича командировали на Урал для наведения порядка на лесозаготовках.

В юности свой трудовой путь Михаил Иванович начинал слесарем на заводе «Красный Путиловец» в Ленинграде. Перед зачислением в школу НКВД Журавлев работал 2-м секретарем Ленинского райкома Ленинградского горкома ВКП(б). Нарком впервые столкнулся с лесохозяйственным вопросом и попросил руководство Свердловского УНКВД, чтобы ему в помощь предоставили опытного квалифицированного специалиста.

Биографическая справка.

Журавлев Михаил Иванович (1911-1976 г.), генерал-лейтенант МВД СССР. Награжден высокими правительственными наградами. Родился в Санкт-Петербургской губернии, с 1930 секретарь комитета ВЛКСМ завода «Красный Путиловец», 1936-1938 г. в аппарате парторганов Ленинградского горкома ВКП(б).

В органах НКВД-МВД СССР с 1938 года: слушатель краткосрочных курсов подготовки руководящего состава НКВД СССР.

1939-1940 – нарком внутренних дел Коми АССР.

1940-1941 – нач. 5 отд-я 2 отд. ГУГБ НКВД СССР.

02.41 г. – 01.48 г. – нач. УНКВД-УМВД Московской области.

Во время В.О. войны руководит строительством аэродромов в Московской области, занимается формированием истребительных батальонов. Член областного штаба по руководству подпольем и партизанским движением. Проводит организационную работу по восстановлению общественного порядка и борьбе с преступностью.

1949-1956 – в Министерстве среднего машиностроения СССР.

И здесь ему на глаза попался спец-агент «Ученый». Кузнецов довольно успешно справляется с поставленным заданием. По возрасту Журавлев и Кузнецов были одногодки и чем-то даже внешне имели схожие черты лица. Михаил Журавлев по итогам неукоснительно выполненного задания получил благодарность из Центра и, имея большой опыт комсомольской и партийной работы, обратил свое внимание на Николая Кузнецова.

По отзывам кадровых сотрудников Свердловского Управления НКВД, оперативный агент «Ученый» зарекомендовал себя как решительный и результативный специалист. Оперативные материалы и информация, предоставленная Кузнецовым, были превосходными. Обладает великолепной памятью, в совершенстве владеет немецким языком с произношением на пяти диалектах разговорной лексики, знает язык эсперанто и польский.

Нарком Журавлев по достоинству оценил личные качества Кузнецова, и не ошибся в своих будущих намерениях.

Михаил Иванович, как работник партийного аппарата, еще в Ленинграде был знаком с кадровым чекистом Леонидом Райхманом и поддерживал с ним постоянные товарищеские отношения. В середине тридцатых годов Райхман Л. был начальником контрразведки в Ленинграде. Проводя повседневную работу по укреплению мер правопорядка, борьбе с преступно-

стью в республике Коми, Нарком Журавлев в очередном телефонном разговоре с ответственным сотрудником Центра рассказал о талантливом агенте.

На тот период зам. начальника отдела СПО (Секретно-политический отдел) ГУГБ (Главное управление государственной безопасности НКВД СССР) Райхман Леонид Федорович отчетливо представлял сложившуюся политическую и оперативную обстановку в стране. В конце тридцатых годов большое количество сотрудников разведки и контрразведки были арестованы и репрессированы. Многие каналы поступления оперативной информации были попросту бездарно утрачены.

Именно Райхману, как старшему товарищу, и позвонил Михаил Журавлев.

Руководящие сотрудники СПО ГУГБ решили удостовериться в лингвистических данных Николая Кузнецова. В тот период в Москве находился только что прибывший из Германии нелегальный сотрудник разведки по линии ИНО. С его помощью и было принято решение провести «оценочный» телефонный разговор с Кузнецовым только на немецком языке.

Биографическая справка

Райхман Леонид Федорович (1908-1990 г.)

С 1932 служит в органах ОГПУ Ленинградской обл.

1934 г. – нач. контрразведки г. Ленинграда.

В 1937 г. переведен в Центр г. Москва, начальник 1-го отделения СПО ГУГБ НКВД СССР.

С 1940 – пом. начальника 2-го отдела (контрразведка) СПО ГУГБ. Зам. нач. отдела контрразведки, занимает руководящие должности Центра 2-го Управления НКГБ-МГБ.

Один из представителей элиты советской контрразведки. Генерал-лейтенант.

В 1951 году арестован.

В 1953 году освобожден и назначен на должность начальника контрольной инспекции МВД СССР. Вторично арестован, в середине пятидесятых приговорен к пяти годам лишения свободы. Благодаря инициативным принятым мерам его жены Ольги Лепешинской, выдающейся балерины, народной артистки СССР, был освобожден. Имея доступ в кремлевские кабинеты, Лепешинская добивается освобождения мужа из заключения.

В заключении Райхман вел себя как мужчина с сильной волей, подвергаясь невероятным истязаниям (несколько месяцев содержался в кандалах в камере-холодильнике).

Сослуживцы Леонида Райхмана были немало удивлены услышанному на другом конце провода безупречному классическому берлинскому произношению. Высокопоставленные сотрудники Центра запрашивают у свердловских чекистов личное агентурное дело за №XX Николая Кузнецова. И после подробного изучения материала приходят к выводу вызвать спец – агента на «притирочную» беседу и воочию убедиться в его личных данных.

Таким образом агент «Ученый» привлек к себе внимание Центра, и контрразведка «положила на него глаз». Райхман назначил встречу с Николаем Кузнецовым в его квартире на улице Горького и был приятно поражен увиденным. На пороге стоял истинный немец, с арийскими чертами лица, блондин, голубоглазый, стройная осанка с аристократическими манерами поведения. На первый взгляд и не подумаешь, что это простой таксатор по обустройству лесов. Райхман мысленно отметил: «Молодец, Журавлев».

Аналитик высокого класса, представитель элиты контрразведки, Леонид Федорович Райхман с первой встречи по достоинству оценил профессиональные данные Кузнецова. Леонид Федорович перевел тему разговора на второстепенную и в конце встречи отметил для себя прирожденные качества разведчика.

До недавнего времени обстоятельства перевода Николая Ивановича из Свердловска в Центральный аппарат оставались под грифом «секретно». Многие страницы жизни легендарного разведчика окутаны завесой тайны.

В 1938 году Кузнецов переезжает в Москву, перед отъездом он сказал родным, что «будет учиться в Институте иностранных языков». В предвоенные годы разведслужбы Германии проявляли активные меры шпионажа против СССР. Ускоренным методом совершенствовалась структура абвера (немецкой военной разведки). Проводилась определенная работа по внедрению агентуры в СССР и привлечению новых людей.

Одной из успешных операций абвера считалось участие разведслужб Германии в поддержке генерала Франко в Испании и организации каналов поступления оружия в эту страну.

Возглавляемый вице-адмиралом Вильгельмом Канарисом и обладая полной независимостью, абвер имел в Германии четыре основных разведцентра. Отдел в Гамбурге занимался странами Американского континента, Англией и скандинавскими странами; отдел в Кельне работал против Франции; Мюнхенский центр вел разведку на Балканах и странах Средиземного моря; разведцентр, расположенный в Кенигсберге, в усиленном режиме работал против СССР.

После успешного окончания французской компании, согласно директиве № 21, абвер получил указание максимальными действиями усилить разведывательную и диверсионную работу против Советского Союза. Разведслужбы Германии собрали достаточно весомый материал о СССР и его вооруженных силах.

К началу 1941 года был подготовлен секретный документ «Вооруженные силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 г.», где была дана оценка материальных и людских ресурсов и аналитический вывод о боевых и моральных качествах Красной Армии.

Абвер и другие разведслужбы Германии вели активную деятельность по всей Европе с целью привлечения к сотрудничеству белогвардейских эмигрантов. Научные сотрудники в лабораториях абвера проводили испытания новых взрывчатых веществ большой мощности, разрабатывались сильнодействующие яды, конструировалось специальное оружие и экипировка, осуществлялась подготовка документов прикрытия. Дополнительно создавались специальные разведывательно-диверсионные формирования и школы, курсы переводчиков русского языка, велось интенсивное обучение агентов для последующей работы в Советском тылу.

В СССР приезжали различные многочисленные делегации из Германии. Постоянно росло присутствие Германского дипломатического корпуса, сотрудники которого поголовно занимались разведывательной деятельностью в пользу Третьего рейха.

Сотрудниками отдела контрразведки Центрального аппарата в сложившейся обстановке применялись всевозможные меры противодействия и противостояния по отношению к разведслужбам нацистской Германии.

По прибытию в Москву изначально Кузнецова поселили в коммунальной квартире в Напрудном переулке, в доме № 10, где он прожил непродолжительное время. В Центре ему присваивают новое кодовое имя «Колонист», уже третье по счету. Кузнецов имел опыт работы на большом заводе, в совершенной форме, блестяще владел немецким языком, как агентурный специалист, вращался в среде иностранных специалистов, в основном контактировал с немцами, расширял сферу деятельности в театральном свете, исходя из этих данных и была выработана легендированная биография и дальнейшее направление. Автором «легенды» и старшим наставником для Николая Ивановича стал Леонид Райхман.

Составляющие легенды были следующими: Шмидт Рудольф Вильгельмович, немец, родом из города Саарбрюкене, в 1914 году с родителями переехал в Советский Союз. С определенного момента имя Вильгельм будет присутствовать во всех документах довоенного периода и во время войны. Возможно, это был жест уважения по отношению к первому учителю немецкой грамматики и лексики, провизору Вильгельму Краузе.

Биографические и специфические данные «легенды» разрабатывались при непосредственном участии Николая Ивановича, где учитывалось его мнение. Ему был выдан паспорт с фамилией Шмидт Р.В. и военный билет с освобождением от воинской службы по «состоянию здоровья».

Первоначально рассматривался вариант о зачислении его на учебу в школу НКВД. Но этот вариант был отвергнут по нескольким причинам. Срок обучения в спецшколе занимал немалое время, а Центру был нужен агент, который мог приступить к работе незамедлительно, ввиду сложной оперативной обстановки. Да и кадры не пропустили бы с такой биографией, мешала старая судимость и социально чуждое происхождение – отец кулак и участник белого движения.

Райхман предпринял нестандартный технический ход, как опытный контрразведчик, он справедливо предположил, что «Колонист» далеко не новичок в агентурной оперативной работе. Оперативные сотрудники вполне способны на месте продолжить дальнейшее обучение Кузнецова навыкам конспиративной деятельности и другим специфическим приемам установления контактов с иностранными подданными и бывшим буржуазным обществом Москвы.

Кузнецова оформляют как засекреченного спец-агента Центрального аппарата с должностным окладом сотрудника госбезопасности. Это был единственного рода случай в отделе контрразведки в предвоенные годы. В свою очередь, Леонид Федорович не мог не оценить искусства, с которым «Колонист» адаптировался к местным московским условиям.

Кузнецов по собственной инициативе изучает фототехнику и съемку фотоаппаратом документированной информации, в дальнейшем это поможет ему выполнить ряд важных поставленных заданий. С большим энтузиазмом осваивает устройство и вождение автомобиля и мотоцикла. На определенный период времени уже под новой фамилией Шмидт поселяется в гостинице «Урал» и продолжает заводить знакомства с иностранцами и московской интеллигенцией. Все это требует больших финансовых затрат, поэтому Кузнецову разрешено заниматься коммерческой деятельностью.

Из оперативных соображений комната в коммунальной квартире, где до этого проживал Рудольф Шмидт, стала непригодной для дальнейшего ведения работы. Один из соседей стал доносить, что часто бывают иностранцы...

На первом этаже гостиницы был ресторан, пользующийся спросом в определенных кругах, с русской национальной кухней, где постоянно обитали разного рода спекулянты, женщины легкого поведения и прочая как московская, так и приезжая разношерстная публика. «Колонист» обладал незаурядными способностями располагать к себе людей, и под удобным предлогом привлекал к сотрудничеству. Ему предстояло вновь налаживать связи, внедриться в деловой коммерческий мир Москвы.

Столешников переулоч в конце тридцатых годов представлял из себя империю нэпа с большим количеством дорогих ювелирных, антикварных, скупочных магазинов. Здесь продавалось все: пушнина, мебель, модная одежда, заключались торговые, теневые соглашения. На пяточке возле ювелирного магазина всегда можно было встретить завсегдатаев, скупщиков и прочих торговцев.

Спец-агент «Колонист» быстро вошел в доверие к обитателям Столешникова, познакомился с различными дельцами и вскоре стал своим человеком в «золотом переулке».

Для обеспечения ежедневной контрразведывательной, агентурной деятельности было принято решение привлечь опытного сотрудника в помощь для дальнейшей разработки легенды «Колониста». Таким «ведущим специалистом» оказался Рясной Василий Степанович, нач. 1-го отделения, 3-й отдел ГУГБ. Первое отделение постоянно работало по направлению – посольство Германии в Москве и его дипломатические сотрудники, технический персонал и их место жительства.

Численность персонала посольства Германии в Москве на 1940 год составляла свыше двухсот человек. Некоторые атташе, советники и секретари Германского дипломатического корпуса имели отдельные фешенебельные особняки для служебных обязанностей и квартиры для проживания. Также в структуру, согласно оперативным материалам НКВД СССР, входили 22 отдела, в том числе: шифровальное бюро, секретариат посла, экономический отдел, отдел

печати, отдел канцлера и его замы, ответственные сотрудники и другой технический персонал. Почти все сотрудники дипломатического корпуса проживали в Москве с женами и детьми.

Возглавлял дипломатическое представительство Германии посол Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. При посольстве отдел военного атташе возглавлял полковник Кестринг Эрих, в подчинение которого входили его помощник Шубут и еще двадцать технических специалистов различных категорий. Все поголовно занимались сбором стратегической информации в пользу Германии.

Высокопоставленный офицер военной разведки еще со времен Рейхсвера, полковник Кестринг на протяжении длительного времени работал по Советскому Союзу.

Из аналитической характеристики, 2-й отдел ГУГБ НКВД СССР: «Кестринг в совершенстве владеет русским языком. При малейшем удобном случае старается войти в доверие к людям. Одновременно в нем проглядывает опытный и хитрый человек, приехавший со специальным заданием от разведки. Обладает огромным тактическим кругозором, подкрепленным богатым практическим опытом...»

Весьма существенной особенностью в поведении Кестринга является факт использования им для получения информации случайных источников, что особенно часто практикуется им при выездах за город, совершении больших туристических поездок и др. В каждом таком случае Кестринг путем личного наблюдения, бесед с местным населением составляет обширные обзоры, доклады и проч. о положении населения, новостройках и т.п. ...»

Сотрудникам отдела контрразведки было известно, что 1-й советник посла – Типпельскирх, 2-й советник – Гильгер, советник ген. консула Швинер, 2-й секретарь Вальтер и другие дипломатические работники проводили широкомасштабные мероприятия по изучению научно-технического потенциала Советского Союза.

Авиационный атташе – Ашенбрэннер, морской атташе Баумбах, один из заместителей военного атташе Кребс, согласно директиве из Берлина: «Собирать как можно больше сведений», постоянно информировали сотрудников абвера о проделанной работе. Исчерпывающую информацию о советской авиационной промышленности, авиазаводах, выпускаемой авиационной технике, ее технических данных и привлечение интересных лиц пытались получить разведывательные службы Германии.

Первостепенной задачей для контрразведки НКВД СССР являлось: максимально всеми имеющимися в распоряжении возможными действиями противостоять агентурным сотрудникам абвера, выявлять немецких агентов и проникнуть в разведывательную сеть немцев в Советском Союзе.

Дальнейшей ступенью в разработке легенды для спец-агента «Колониста» являлось его обустройство с жильем и последующим поступлением в качестве инженера по испытанию новых самолетов на секретный авиационный завод №22.

Согласно предстоящей оперативной деятельности руководство отдела контрразведки выделило для Николая Кузнецова одну из конспиративных квартир на улице К. Маркса, дом №20. В паспортном столе ему оформили прописку как на родственника хозяина этой квартиры. Для большей убедительности легенды Шмидт ежедневно пересекал проходную авиазавода и, как инженер – испытатель, принимал участие в испытании новых авиационных двигателей и новых образцов парашютов. Ему действительно приходилось прыгать с парашютом и изучать технические данные. Отдельная двухкомнатная квартира с телефоном в предвоенной Москве являлось редкостью. Методы ведения оперативной работы инженера – Шмидта были самые различные. Обрусевший немец, элегантный франт под удобным предлогом заводит знакомства с представителями немецких делегаций.

Прибывшая в Москву очередная делегация, согласно протоколу – встречи, посетила автозавод им. Сталина (ЗИС), далее представителей германской делегации привезли на новую премьеру в Большой драматический театр.

В театре Рудольф Шмидт знакомится с представителем немецкой делегации и его очаровательной спутницей, очень элегантной немкой. Элегантная фрейлейн оказалась техническим секретарем посольства Германии.

С разрешения Центра с обворожительной особой Кузнецов завязывает романтические отношения. Немка питала большие симпатии к Руди, ее сильные чувства положили начало для длительных отношений, впоследствии она постоянно снабжала Рудольфа секретной информацией из секретариата дипломатического представительства.

За период службы в Москве Николай Иванович неукоснительно выполнил ряд сложных поставленных заданий.

Существует несколько опубликованных ранее фотографий, где Николай Кузнецов в форме старшего лейтенанта ВВС. Он работает на заводе, где выпускают боевые самолеты. При встречах и знакомствах представлялся инженером-испытателем.

Кузнецов по собственной инициативе сам раздобыл форму военного летчика и действовал строго согласно «легенды», которая обращала внимание и притягивала агентов разведслужб Германии.

На пяточок в Столешниковом переулке Шмидт приезжал на троллейбусе со стороны Хорошевского шоссе, в том районе находился авиазавод, при этом соблюдая все правила конспирации. Затем выходил возле Моссовета и направлялся на пяточок в «золотой» переулок. Агенты наружного наблюдения давно установили, что некоторые дипломатические сотрудники занимались продажей модных вещей: продавали часы, фотоаппараты, скупали предметы антиквариата, драгоценности.

Одним из таких «объектов», к которому чекисты давно присматривались, был высокопоставленный советник дипмиссии Словакии Крно Гейза-Ладислав. Имея дипломатический статус неприкосновенности как прикрытие, Крно являлся агентом иностранной разведки. Он постоянно привозил из Братиславы большие партии часов контрабандой и продавал их в Москве по более выгодным ценам. На этом поприще и было решено взять его в разработку с последующей проверкой.

«Колонист» на почве коммерческой деятельности познакомился с Крно и закрепил с ним доверительные отношения.

Кузнецов скупал у словака часы большими партиями с небольшой скидкой, тем самым предоставил своему коммерческому партнеру более чем выгодные условия реализации товара.

Крно неплохо говорил по-русски, просил называть его по имени и отчеству: Иван Андреевич, и добавил, что является сотрудником посольства Германии. «Колонист» отлично знал, кто он на самом деле и какую страну представляет. Они оба вели свою игру. Иван Андреевич сам предложил заключать торговые сделки у Шмидта на квартире с мерами подстраховки. Во дворе дома, где проживал «Колонист», Крно поджидала его жена.

Тем самым дипломат избрал, на его взгляд, безопасный вариант проведения торговых сделок.

Но Крно не подозревал, что квартира, в которой проживал русский лётчик-испытатель, оснащена техникой для прослушивания и фотокамерой, вмонтированной в мебельный шкаф. Все элементы встречи были зафиксированы на фотоплёнку с чередованием кадров через 5-20 секунд.

В дальнейшем Крно проникся доверием к «Шмидту» и стал вести более откровенные разговоры. Дипломат начинает обучать летчика элементам конспиративной деятельности и проводит несколько встреч с применением методов вербования.

В одном из агентурных донесений «Колонист» приводит речь «наставника-дипломата»: «Я рад, что случай свел меня с вами. Это первое удачное знакомство с момента моей работы в России. Я здесь с апреля 1940 года. Опыт тех стран, где я до этого работал, мало пригоден для России. Здесь много труднее. Большевики устроили народ, запугали его НКВД. Нам тоже

не дают свободно работать. Хотя надо им дать понять, что ряд государств исчезли с карты не потому, что дипломаты из Германии завязывали те или иные знакомства, а потому, что пришла непобедимая германская армия на их землю. Я работал во всех странах, теперь стёртых германской армией с лица земли. Работал я в этих странах как сотрудник абвера. Здесь я тоже по этой специальности, мы изучаем методы работы НКВД, методы советской слежки за иностранцами, посольствами и отдельными гражданами. Чтобы вы не попались по незнанию, я вам сообщу кое-что из результатов наших наблюдений и изучения советской разведки.

Поэтому не смейте заходить в посольство, хотя ваш вид может ввести их в заблуждение, и они примут вас за иностранца...».

В период общения с Крно «Колонист» получал очень важные сведения об обстановке в посольстве Германии и о развитии советско-германских отношений.

В ходе одной из встреч с Кузнецовым Крно сообщает: «Я должен вам сообщить, что я посвятил 15 минут для беседы с военным атташе полковником Кестрингом лично о вас... Я подробно описал полковнику Кестрингу весь ход и развитие нашего с вами знакомства и связей. Он очень заинтересован работать с вами и просил передать и твердо обещать вам следующее: при первой же необходимости или вашем желании перебраться в Германию, вам будут предоставлены все находящиеся в нашем распоряжении средства, а именно: переход границы может быть только нелегальный, так как вы были в РККА и состоите в командном составе русской армии, и русские не выпустят добровольно... Это вы проделаете не сейчас, а может быть, через год, полтора, когда будет в этом необходимость... Мы с вами еще здесь будем кое-чем заняты...»

Я вам дам германский вид на жительство. В том случае, если вас при встречах со мною где-либо милиция задержит, вы предъявите этот документ, в особенности, когда мы будем встречаться в наших дипломатических авто...»

Возможно, с этого периода Шмидт фигурировал в оперативных учётах немецкой разведки под каким-то кодовым именем.

Уверенность в способности и надёжном отношении своего «ученика-агента» позволили Крно в дальнейшем проинформировать о существующих и действующих на территории СССР глубоко осевших немецких разведчиках.

Крно сводит Шмидта с личным камердинером немецкого посла Флегелем Генрихом.

Старший лейтенант, испытатель самолетов, статный, с правильными чертами лица, всегда гдатай ресторанов, театров, музеев, выставок, он был всеобщим любимцем женщин.

Женщины боготворили, обожали его за удивительную грациозность и тактичное отношение к слабому полу.

На одной из выставок московских художников Николай Иванович познакомился с обаятельной девушкой, назовем ее Ксения Васильевна.

Из воспоминаний Ксении Васильевны: «Познакомила меня с ним моя приятельница, художница. Увидев меня, он сказал: «Вы Марлен Дитрих, вы такая красивая и обворожительная, – и коротко представился, – Руди Шмидт, если угодно Вильгельмович».

Со слов Руди и своей подруги я знала, что он работает инженером. Рудольф начал проявлять ко мне всяческое внимание. Но он мне – сама не знаю почему – не нравился. И вдруг я надолго заболела. Он был первый, кто не оставил меня. Руди был исключительно интересным собеседником, блестящим и остроумным, с чрезвычайно развитым чувством юмора. Он своими рассказами и шутками отвлекал меня от мрачных мыслей, умел красиво выразить свое внимание. То фиалок передаст, то незабудок пришлет».

Николай Иванович действительно испытывал по отношению к Ксении теплые чувства. Ее завораживающий образ он сохранит в своей памяти на всю жизнь. Эта женщина оставит заметный след в его жизни. Их отношения продолжались до начала войны.

«Меня поразило в его квартире большое количество немецких книг, журналов и других печатных изданий. Неоднократно, не замечая моего присутствия, он разговаривал по телефону на немецком языке, иногда с самим собой. Однажды на улице я случайно увидела его с двумя молодыми женщинами. Они шли и бойко говорили о чем-то по-немецки. У меня в душе закрались сомнения. Как он говорит по-немецки, как выглядит!». Предусмотрительная Ксения понимала, что ее отношения с немцем, пусть и офицером-летчиком, могут для нее обернуться непредсказуемым, печальным образом.

В первые дни войны из Москвы стали исчезать люди с немецкими фамилиями. Николай Иванович впоследствии тяжело переживал такое холодное исчезновение Ксении и разрыв отношений.

Постоянно изучая периодические выпуски немецких газет и журналов, анализируя политические и экономические возможности Германии, еще с периода работы в Свердловске «Колонист» обращает свое внимание на структуры высшего состава Третьего рейха.

Перед Кузнецовым ставят все более сложные задания, связанные с дипломатическими работниками посольств Германии, Словакии.

В агентурной работе всегда отдавалось предпочтение документированной информации.

Многочисленный оперативный материал и сведения стратегического характера, представленные «Колонистом», ложились на стол руководящего состава НКВД СССР и первых лиц государства.

Одним из активных разведчиков германских спецслужб являлся дипломатический сотрудник, военно-морской атташе фон Баумбах Норберт Вильгельм. Фон Баумбах хорошо говорил по-русски, характер его поездок по Москве был постоянно изучающий. Также он имел свою агентурную сеть и тесный контакт с женщинами легкого поведения. Он являлся одним из специалистов по анализу военно-промышленного потенциала Советского Союза.

Перед отделом контрразведки и 1-м отделением, которым руководил Рясной В.С., стояла оперативная задача – переснять документы, находящиеся в сейфе фон Баумбаха, чтобы в полной мере изучить его агентурную сеть.

Морской атташе проживал временно один (жена с детьми были в Германии) в его отсутствие в апартаментах постоянно находилась домработница, обрусевшая немка, весьма привлекательная дама тридцати лет.

С этой миловидной горничной «случайно» на улице познакомился офицер-летчик с немецким именем и фамилией.

Элегантный офицер пригласил новую знакомую на прогулку по Москве-реке и очаровал ее своим обширным знанием немецкой поэзии и литературы. В ходе дальнейших встреч Рудольф Шмидт выяснил, в какие дни и часы отсутствует фон Баумбах, и, выбрав нужный момент, пригласил домохозяйку в кинотеатр на Пресне, тем самым предоставил оперативникам время для проведения технической операции. Начальник отделения Василий Рясной и сотрудник оперативно-технического отдела Пушков проникли в апартаменты фон Баумбаха.

Пушков специальным инструментом открыл сейф, затем все документы были пересняты и возвращены на прежнее место. А также в рабочем кабинете и других комнатах была скрытно установлена прослушивающая аппаратура. В дальнейшем это позволило нашим контрразведчикам прослушивать и записывать все разговоры между сотрудниками Германского посольства в доме фон Баумбаха.

Из донесения: Народный Комиссариат Государственной

Безопасности

Товарищу Берия

НКГБ СССР сообщает, что 23 апреля с.г. записан следующий разговор между германским военно-морским атташе Баумбах и заместителем германского военного атташе Кребс:

Баумбах: (в кабинет вошел Кребс). Здравствуйтесь! Как поживаете?

Кребс: Спасибо, хорошо. Я принес Вам показать мое сообщение в Берлин о советской авиационной промышленности. Я просто переработал материал Ашенбреннера (германский авиационный атташе).

Баумбах: Очень интересно. Прежде всего, я хотел Вам сказать, что я получил в Берлине указание собирать как можно больше сведений. Ведь никто не знает, каков будет исход войны. Теперь я буду все время находиться в разъездах.

Кребс: Возможно, я тоже буду ездить...

Баумбах: Командование требует, чтобы я как можно больше сообщал о морском флоте. Это, конечно, правильно.

Кребс: Исход войны должен решить воздушный флот.

В конце тридцатых годов в Центре были предприняты меры по усилению технических и оперативных направлений. Из прошедших военных действий в Испании были сделаны соответствующие выводы в проведении военных и разведывательных операций. В Испанию направлялись как молодые, неопытные оперативники, так и инструкторы профессионалы. Советская разведка, исходя из своего испанского опыта, выстроила направление последующих действий. Были вновь созданы дополнительные отделения и отделы в ИНО, (Иностраный отдел) такие как отделение экономической разведки, отдел немецкого направления.

В Москве на тот период были достаточно мощные радиостанции, постоянно поддерживающие связь с европейскими агентами. Но московские радиостанции осуществляли сеансы связи через промежуточный узел связи в Бресте. По этой причине в начале войны наши агентурные сотрудники из Берлина не смогли радировать в Центр, так как в первые дни войны Брест и прилегающие территории были оккупированы.

В апреле 1941 года была утверждена директива всем европейским резидентурам о переходе агентуры и линий связи на военное положение.

При Наркоме Внутренних Дел была собрана резервная сеть нелегалов для работы в Западной Европе на случай войны.

Агентурные донесения, составленные «Колонистом», отличались детальным обзором с подробным аналитическим взглядом. Эти качества позволили в последующем возложить на «Колониста» ряд поручений для перепроверки информации, как контрольным агентом.

На подробные детальные отчеты, составленные Кузнецовым, обращает свое профессиональное внимание начальник 3-го отдела СПУ ГУГБ (Секретно-Политическое Управление) комиссар госбезопасности Ильин Виктор Николаевич. Отдел, возглавляемый ответственным сотрудником контрразведки Ильиным, отвечал за работу с творческой интеллигенцией, а также занимался вопросами идеологии и культуры. В дальнейшем Виктор Ильин предпринял ряд мер для внедрения «Колониста» в театральный, балетный мир, исходя из особо важных оперативных направлений.

Представители всевозможных немецких делегаций, дипломатические сотрудники, установленные агенты разведслужб разных стран, и Германии в том числе, по особенному боготворительно относились к балеринам.

В то время все высокопоставленные приемы в Кремле с участием первого лица, членов Политбюро и зарубежных делегаций проводились при участии балерин Московского Большого Театра. Дипломаты из Германии испытывали настоящий восторг, глядя на изящных, пластичных танцовщиц, виртуозно исполняющих классические партии балета.

Наставник Кузнецова Леонид Райхман был женат на балерине Ольге Лепешинской. К слову сказать, это была достойная супружеская пара.

Прима-балерина Московского Большого Театра Лепешинская Ольга Васильевна, исполнительница первых партий, несмотря на свой юный возраст, собирала на своих выступлениях весь театальный и художественный цвет столицы.

Этот эпизод заслуживает отдельного описания. Именно Ольге Лепешинской была отведена ведущая роль в том, чтобы ввести Рудольфа Шмидта в мир балетного искусства Москвы. Первая встреча офицера-летчика и известной танцовщицы состоялась за пределами здания театра.

Перед Николаем Ивановичем стояла хрупкая, невысокая, совсем юная девушка двадцати трех лет отроду, с обаятельной улыбкой, в неотразимом строгом женском костюме, на нагрудной части которого был прикреплен орден «Знак Почета». В левой руке она держала оригинальный женский кофр.

В тот период Лепешинская уже являлась депутатом Московского городского Совета и лауреатом Сталинской премии. Ее грациозная манера поведения, безупречный стиль и формы артистизма с первой встречи произвели на Кузнецова неизгладимое впечатление. Лепешинская открыла для него двери в мир московской театральной культуры и посвятила в освоение танцевальной балетной классики.

На сцене Большого в конце тридцатых блистали знаменитые балерины Галина Уланова, Ольга Лепешинская, Марина Семенова, покоряя публику своим техническим танцевальным мастерством.

Вскоре Шмидт становится своим человеком в театральной атмосфере. Среди представительниц балетного танца Шмидт имел свои источники информации. С помощью изящных балерин ему удалось завязать интересные знакомства и отношения с приезжающими в столицу дипломатическими сотрудниками и представителями разных предприятий Германии.

В какой-то период в Центре ставился вопрос о назначении Николая Ивановича администратором Большого театра.

Для приезжающих в Москву подданных Германии Рудольф Шмидт становится гидом-переводчиком в театральном мире. Он знакомит гостей с репертуаром балетных представлений, сопровождает иностранных подданных в Большом театре, где с успехом ставились премьеры новых постановок балета «Дон Кихот», «Щелкунчик», «Лебединое озеро».

В совершенной технической форме знаток русской школы балета Шмидт сводит под удобным предлогом немецких дипломатов с классическими исполнителями актерских партий. В свою очередь, подданные Третьего рейха не упускают возможности поближе познакомиться с инженером-испытателем авиазавода с немецкой фамилией. Их интересует авиационная промышленность и последние модели самолетов, тем более что Шмидт легко идет на контакт.

Немецкие агенты неоднократно обращались к Шмидту с просьбой провести скрытые съемки самолетов и технических чертежей, а также достать для них последние разработки конструкторских отделов.

Леонид Райхман не мог не оценить искусства, с которым «Колонист» в кратчайший срок адаптировался к местным московским условиям.

Выписка из личного дела спец-агента «Колонист»:

«С момента прибытия в Москву до настоящего времени «Колонист» работает по заданию органов НКВД. Проживает по выданному ему паспорту на имя Шмидта Рудольфа Вильгельмовича, немца по национальности, под этой фамилией известен всем его московским связям, в том числе и работникам германского посольства в Москве.

Благодаря знанию немецкого языка, хорошему внешнему виду, личным качествам и умению вести себя среди представителей бывшего буржуазного общества, «Колонист» в Москве в течение короткого времени завязал широкие связи среди иностранцев, проживавших в Москве, работников иностранных миссий и посольств, особенно среди работников бывшего германского посольства в Москве, и был известен как немец, советский гражданин, работавший в качестве испытателя на одном из московских авиационных заводов. Активной разработкой указанного контингента лиц «Колонист» занимался до начала войны с фашистской Германией.

При участии «Колониста» было проведено несколько удачных комбинаций по разработке и вербовке сотрудников инопосольств и миссий в Москве.

После начала войны «Колонист» выразил желание проводить разведывательно-диверсионную работу в тылу германских войск, прошел специальное обучение под руководством работников Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии по изучению германской армии, ее уставов и структуры.

По своим личным качествам «Колонист» является политически развитым, грамотным человеком, обладающим достаточной силой воли. Находчив, сообразителен, способен выполнять ответственное задание органов НКВД в тылу германских войск».

Установленный контакт со словацким «дипломатом», установленным сотрудником абвер-1 Г. Крно, положительным образом отразился на дальнейших событиях. Крно познакомил Шмидта с личным камердинером немецкого посла Генрихом Флегелем. Вероятно, Флегель работал на РСХА и постоянно вел интенсивное наблюдение за «малонадежным» послом фон Шуленбургом и происходящими вокруг него событиями.

Флегель постоянно проживал в доме посла и был в курсе многих событий, касающихся советско-германских отношений.

Камердинер, мгновенно оценив качества Рудольфа Шмидта, берет на себя инициативу проведения «идеологической обработки» в познании достижений Третьего рейха и Великой Германии. Именно на почве любви к немецкой родине, закреплённой щедрым отношением испытателя-летчика, возникли доверительные дружеские отношения.

Камердинер Генрих Флегель вскоре женился на обрусевшей немке по имени Ирма, являющейся подданной СССР. После официального брака Ирма Флегель вышла из советского гражданства и, согласно положению по линии Наркомата Иностранных Дел СССР, подлежала высылке из Москвы в тридцатидневный срок. Такое обстоятельство не входило в планы камердинера немецкого посла и не только его одного.

Постоянное внимание и проявление неподдельного чувства поддержки позволили в дальнейшем установить более дружеские отношения Шмидта с Генрихом и Ирмой Флегель.

Как Наркомат Иностранных дел, так и Наркомат Государственной Безопасности были заинтересованы в том, чтобы предоставить Ирме Флегель вид на жительство в Москве. Впоследствии Ирма и Гайнец Флегель станут ценными источниками информации, предоставленной Шмидту из недр посольства Германии.

В интересах контрразведки Кузнецов уговаривает камердинера во время отъезда фон Шуленбурга показать ему апартаменты посла.

Из рапорта капитана госбезопасности Рясного В.С.:

«В 14 ч. 45 мин. Гейнц Флегель встретил источник у «Националя». Привез его в своем автомобиле в квартиру Шуленбурга, где источник пробыл до 21 ч. 45 мин. ... Источник попросил Флегеля показать квартиру посла. Флегель провел его по всему дому, идя впереди, с ключом в руках и открывая двери. Квартира посла выглядела следующим образом...»

Также в своем отчетном донесении «Колонист» схематично укажет расположение комнат и подробно изложит описание рабочего кабинета Шуленбурга с присутствующими предметами на письменном столе. Информация, полученная от Генриха и Ирмы Флегель, а также других дипсотрудников, позволила «Колонисту» составить структурную схему отделов, бюро, дипломатического посольства Германии в Москве.

Не все было так гладко в оперативной работе. Приходилось применять нестандартные выходы из сложившейся ситуации.

В сентябре 1940 года, ввиду частого отсутствия Ирмы Флегель из дома, а также объяснений, что ее вызывают в НКВД и принуждают давать сведения обо всем происходящем в квартире посла, фон Шуленбург был вынужден обратиться с личной просьбой в ходе беседы с первым заместителем Наркома Иностранных дел Вышинским.

Положительным исходом в решении многих вопросов являлось присутствие «ничего не подозревающего» щедрого авиаинженера Руди Шмидта, немца по национальности.

После красиво проведенного католического рождественского вечера на квартире Шмидта камердинер Флегель по-прежнему расположен доверительно относиться к офицеру-летчику.

В агентурном отчете «Колонист» сообщит:

«28/ХІІ-40 г. Флегель Гайнец с женой Ирмой были весь вечер у источника. Флегель подарил источнику рождественский подарок – «значок Нац. Соц. Партии» – орел со свастикой в когтях, такой знак носят все члены НСГРП. Кроме того, подарил грампластинки, пепельницы и т.д. В беседе Флегель Гайнец по-прежнему резко антисоветски настроен, советует источнику думать о перебежке в Германию.

С Флегель поддерживаются хорошие дружеские отношения».

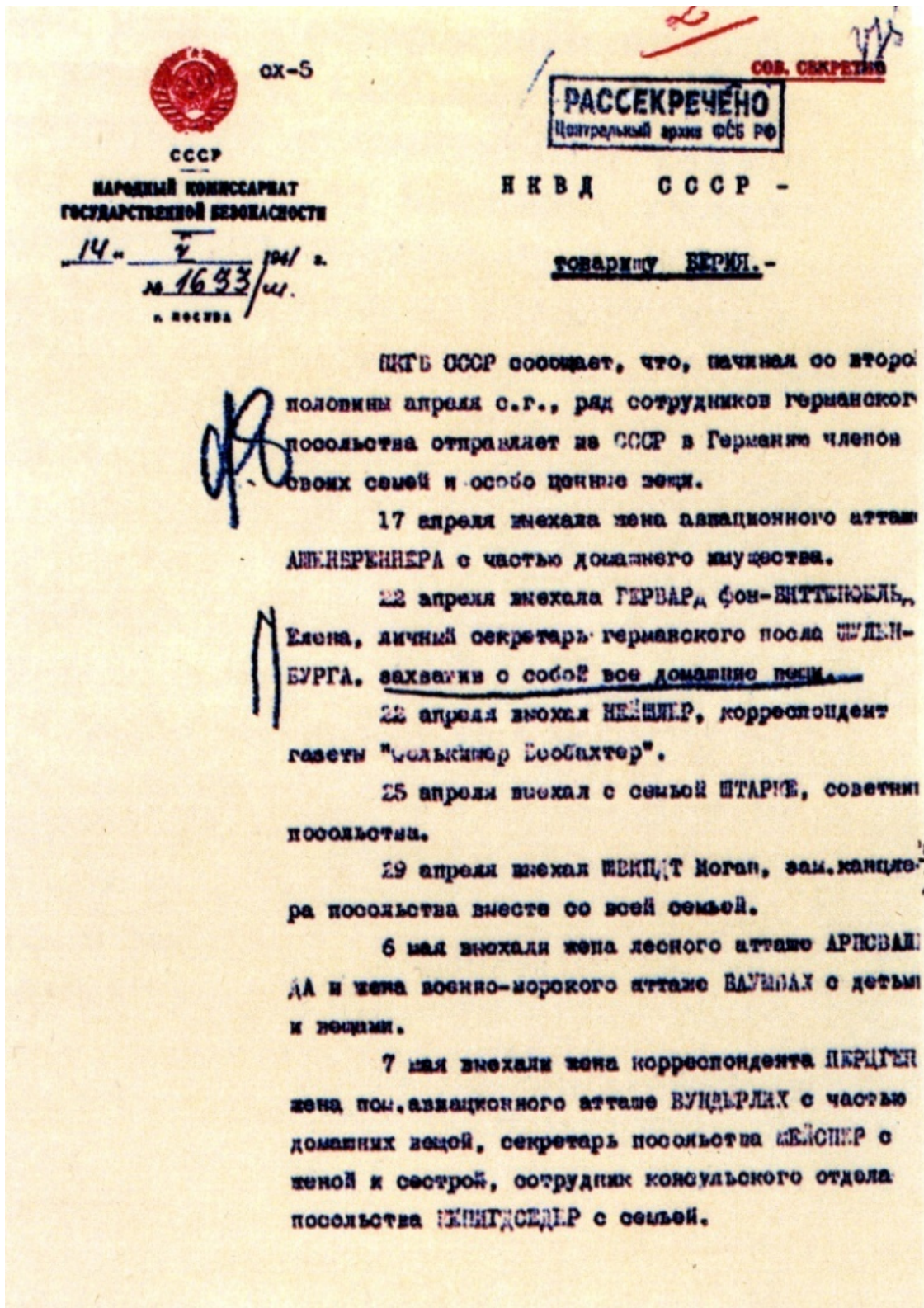
Николай Иванович также неоднократно принимал участие в операциях по перехвату немецкой дипломатической почты, так как дипкурьеры из Германии постоянно останавливались в гостиницах «Метрополь» и «Националь», но не в посольстве Германии.

Пользуясь своими дипломатическими источниками, Кузнецов имел возможность предупредить руководящий состав Центра о времени прибытия дипкурьеров. Совместно с оперативными сотрудниками он многократно участвовал в ходе проводимых фотосъемок немецкой дипломатической документации.

В феврале-марте 1941 года Ирма сообщила Шмидту, что в подвале посольства сжигают документы, а ряд сотрудников посольства готовятся к отъезду вместе с семьями и имуществом.

Существует несколько фотоснимков, на которых Николай Иванович запечатлен в форме старшего лейтенанта ВВС. На обороте одного из снимков Николай напишет «Лиде и Вите от брата в память событий, предшествовавших счастливому дню 12 марта 1940 г.»

По одной из версий, очередная служебная командировка в Ленинград совпала с боевыми действиями частей Красной Армии на финской территории. Примечателен тот факт, что Кузнецов после успешного выполнения задания был включен в список лиц, представленных к награждению орденом «Красная звезда».

Агентурное донесение о переезде немецких дипломатических сотрудников и членов их семей из Москвы в Германию. Апрель-май 1941 год.

В марте 1940 года в Москву прибыла очередная германская делегация для ведения переговоров об установлении прямого телефонного сообщения Москва-Берлин.

Из дипломатических источников была получена информация, прибывший в Москву немецкий дипломат Кляйст в беседе с послом фон Шуленбургом упомянул, что в Берлине готовится научная экспедиция по изучению Тибета. Данная научно-исследовательская экспедиция была сформирована и учреждена лично рейхсфюрером СС Гиммлером.

В интересах получения оперативной информации Николай Иванович вел интенсивный контакт с горничной посла Норвегии, немкой по национальности. Секретарь военного атташе Японии Сасаки, сотрудник японского посольства Такоямо, представители немецкого посольства: Шредер, Флегель, Баумбах, член германской торговой делегации Маере, секретарь дипломатической миссии Словакии Крно, сотрудник шведской авиакомпании Левенгаген, венгерский подданный Шварце, – таков не полный список представителей иностранных дипломатических миссий, с которыми работал «Колонист» в предвоенный период времени.

В ходе разработки комбинации «Туристы» Кузнецов был внедрен в общество немецкой супружеской пары Борк, занимавшейся шпионажем. Ему предстояло выяснить связи, каналы информации, структуру данного немецкого подразделения через немецкую подданную Розу Борк, с чем он справился более чем успешно. В целях внедрения в общество технического персонала дипломатической миссии Ирана, «Колонисту» удалось обольстить домохозяйку иранского посла. В период с 1938 года по июнь 1941 года Кузнецов в полной мере и неукоснительно выполнил все задачи, поставленные перед ним руководством Центра. По объему добытой им детальной оперативной, стратегической информации в отношении посольств Германии, Словакии, дип. миссий Норвегии, Ирана и их дипломатического персонала, а также по объему проведенных контрразведывательных операций высокого уровня сложности по отношению к дипломатическим представителям и агентам разведслужб Германии Кузнецов Николай Иванович остался непревзойденным специалистом. Он вошел в летопись отечественных спецслужб как секретный спец-агент, являющийся классическим примером работы высокого уровня профессионализма.

Проводимые им операции разведывательно-диверсионного характера вошли в основу учебной литературы и преподаются в спецшколах многих стран мира. Стремление к достижению высочайшего профессионализма было его осознанным выбором.

В марте 1941 года Николай Кузнецов сообщит Центру точную дату нападения германских войск на Советский Союз.

Словацкий дипломат Крно, убедившись в способностях и надежном отношении Шмидта после ряда проведенных проверочных заданий, поставил перед ним ответственную задачу. В интересах немецкой разведки Шмидту предстояло съездить в маленький украинский город Черновицы для встречи с немецким агентом Кеснером. Законсервированный со времен Первой мировой, Кеснер в облике ювелира вел неприметный образ жизни.

В Берлине было принято решение переправить старого агента на родину, а накопленные им драгоценности и валюту через Москву отправить дипломатическим грузом.

Именно для провоза золотых изделий и 17 тысяч румынских леев из Черновиц в Москву агентами абвера было принято решение поручить эту операцию авиаинженеру Шмидту. В апреле 1941 года «Колонист» и сопровождающий его оперативный сотрудник Егоров доставили груз общей стоимостью в 35 тысяч рублей на московский адрес. Также Крно доверительно сообщил Шмидту координаты немецкого агента во Львове. В последних числах апреля 1941 года в ходе встречи Шмидта с Флегелем камердинер предупредил своего немецкого друга: «Будем встречаться за городом, в авто или на улице. Иногда у меня дома. Ситуация такова, что мы упаковываем чемоданы. Возможно, что политика резко изменится и начнется война против СССР. Граф уехал в Германию за инструкциями. СССР предложили присоединиться к пакту трех держав, он отказался. Поэтому придется, вероятно, силой навести здесь порядок».

В своем оперативном донесении 3 июня «Колонист» сообщит: «Посол фон Шуленбург собирается покинуть Москву в ближайшее время и уйти на пенсию в начале осени».

До начала войны оставалось 19 дней.

Посол Германии Фридрих Вернер фон Шуленбург был противником военных действий с Советским Союзом. В 1944 году как участник заговора против фюрера был казнен.

Перед началом Великой Отечественной войны Центр располагал разведанными о неизбежном нападении Германии на Советский Союз.

В Кремле не смогли в полной мере оценить полученную угрожающую информацию. Неизменная позиция Сталина, спокойно ожидавшего вторжения, вместо того, чтобы заблаговременно подготовить части Красной Армии и объявить тревогу в войсках, явилось причиной невозвратимых тяжелых потерь и поражений стратегического характера, которые понесла Красная Армия, наша страна и наш народ в 1941 году.

В мае 1941 года немецкий самолет люфтваффе «Юнкерс-52» беспрепятственно вторгся на территорию СССР и незамеченный успешно приземлился в Москве на центральном аэродроме, рядом со стадионом «Динамо». Такой вызывающий шаг Нацистской Германии вызвал шокирующее состояние в Кремле.

В начале 1941 года зам. начальника немецкого отделения разведки Зоя Рыбкина составила реестр драматических сообщений, поступающих из Берлина от «Старшины» и «Корсиканца», а также от агента высокого ранга «Брайтенбаха». Руководство Центра постоянно докладывало Сталину об угрозе войны, но не смогло его убедить в достоверном, правдивом текстовом сообщении агентурных источников.

Осенью 41-го года Рыбкина для ведения агентурной работы была внедрена в Швецию, где получила информацию о производстве в Норвегии «тяжелой воды» для создания немецкого сверхсекретного атомного оружия.

Необходимо признать, что в конце тридцатых годов был уничтожен весь руководящий состав военной разведки по линии ГРУ (Главное Разведывательное Управление) Красной Армии. Опытные квалифицированные специалисты, начальники отделов военной разведки были расстреляны или сидели в лагерях.

Такая же обстановка складывалась в НКВД по линии ИНО (Иностранный Отдел), где перед войной многие агенты-нелегалы были вызваны в Советский Союз. Лучшие спец-агенты, которых готовили длительное время и которые имели серьезные периоды времени ведения агентурной работы за границей, были арестованы и приговорены к длительным срокам заключения, многих просто уничтожили.

Но, несмотря на потери, приоритетное направление по сохранению и еще более глубокому оседанию агентуры за рубежом было сохранено и частично восполнено. Созданная в двадцатых-тридцатых годах мощная агентурная сеть в Палестине, Франции, Германии, Скандинавии, США под руководством Якова Серебрянского (кодовое наименование «Группа Яши») позволила воссоздать в Европе разветвленную разведывательную сеть.

Группа Я. Серебрянского превосходно проявила себя в секретных операциях по доставке новых самолетов из Франции в республиканскую Испанию в 1937 году. В конце 1938 года Серебрянский был арестован и приговорен к расстрелу, но приговор в исполнение не привели.

В 1941 году по инициативе комиссара госбезопасности Павла Судоплатова он был освобожден и привлечен к подготовке агентурных специалистов для работы в странах Западной Европы и США. Полковник НКГБ Серебрянский в октябре 1953 года был арестован. Скончался в заключении в 1956 году.

Особый интерес для Центра представляли высшие структуры Германии. По линии ИНО была внедрена в высшие эшелоны Третьего рейха известная актриса Чехова Ольга. Длительный период времени она была в кругу приближенных Геринга и Гитлера. Особенно продуктивно в Европе, в частности в Германии, работала агентурная сеть под кодовым названием «Красная капелла».

Подписанный в Кремле «Пакт о ненападении» между Германией и СССР 24 августа 1939 года, предоставил немецким разведслужбам большие возможности в изучении военного и технического потенциала Советского Союза. В мирный исход подписанного пакта на Лубянке не верили изначально.

Отдел контрразведки, возглавляемый опытным аналитиком Федотовым Павлом Васильевичем, максимально возможными действиями и принятыми контрмерами в предвоенное время выполнил поставленную задачу.

Начавшаяся война ставила совершенно новые направления, согласно законам военного времени. Специалисты-аналитики, разрабатывая новый план, согласно которому Кузнецову предстояло перейти линию фронта в районе Тулы, предусмотрели первоначальное его обучение на спецкурсах при ГРУ Красной Армии. Обучаясь на курсах, Николай Иванович впервые соприкоснулся с изучением структуры, порядков и уставов Вермахта. Осенью 1941 года Кузнецов был внедрен как немецкий солдат в лагерь для военнопленных.

Согласно новой легенде, ему предстояло после прохождения фронтовой полосы сдать в плен немецким властям и осуществить внедрение в разведорганы противника. Составленная легенда была новая, но частично опирающаяся на предыдущую. В подкрепление «новой легендированной биографии» был изготовлен новый гражданский паспорт, в котором значилось: Шмидт Рудольф Вильгельмович, 1912 года рождения. Уроженец хутора Маракинского, Талицкого района, Челябинской области, потомственный немец. Биографические данные составлялись с учетом перепроверки со стороны разведслужб Германии. Далее в легендированной биографии обозначалось: отец – богатый скотопромышленник, был раскулачен в 1929 году. Работал в лесоустроительных партиях в Коми, что подтверждено в паспорте записью и штампами.

Переехал в Москву в 1938 году. Работал на авиазаводе № 22 Наркомат Авиационной Промышленности, что и подтверждено в паспорте. В то время на странице «особые отметки» у каждого работающего человека стояли записи с места работы.

В июне 41-го был уволен. Занимался мелкой спекуляцией. Как немец, был подвергнут депортации в Казахстан. По дороге на железнодорожной станции Кинель в Куйбышевской области сбежал. С приключениями выхлопотал себе документы на новую фамилию. В декабре 1941 года призван в Красную Армию. Воспользовавшись благоприятным случаем, когда батальон находился в прифронтовой зоне, перешел линию фронта.

Ваши дальнейшие действия согласно инструкции:

«По окончании проверки вы заявляете о своем желании получить работу, причем делаете это таким образом, чтобы немцы по своей инициативе предложили вам должность переводчика при воинском штабе или разведывательном органе.

Вашей основной задачей является:

1. Выявление разведорганов противника, их дислокации, наименования, официального состава, агентуры, явочных квартир, школ и радиостанционных органов.
2. Изучение методов работы разведорганов, применяемые ими пароли, шифры и различные виды связи с агентурой, находящейся в нашем тылу.
3. Выявление агентуры, переброшенной немцами в наш тыл.
4. Выявление советских граждан, являющихся официальными работниками немецких полицейских и административных органов, всякого рода пособников немцев, изменников и предателей Родины».

Ведущие специалисты на Лубянке в спешном порядке разрабатывали еще один, запасной вариант.

Эта запасная биография-легенда предусматривала более глубинное внедрение в Германию. Маршрут следования агента «Колонист» планировалось провести через Ирано-Турецкую

границу. Специалистам-аналитикам предстояла кропотливая работа над созданием документов, подтверждающих данную биографию, поскольку визовые административные службы Третьего рейха детально изучали всех прибывших лиц в Германию.

В 1941 году по рекомендации комиссара госбезопасности Павла Судоплатова один из его заместителей (нелегал с большим стажем) сотрудник ИНО НКВД СССР Леонид Эйтингон был направлен в Турцию.

Эйтингон Леонид, оперативный псевдоним «Том», в Турцию переправлен по документам на имя Леонида Наумова для координации действий и мер оказания поддержки агентам-маршрутникам и нелегалам, следовавшим в Германию.

Внезапная болезнь и госпитализация на длительный период вывели из строя Николая Кузнецова. Тем самым от первоначальных замыслов и планов по внедрению его в какое-либо немецкое учреждение пришлось отказаться.

Эту версию подтверждает своими воспоминаниями довоенная соседка Николая Ивановича. Она привозила Кузнецову в госпиталь продуктовые посылки осенью 1941-го.

Журналист-биограф Данилин Н.А. в своей книге «Разведчик Николай Кузнецов» также упоминает о болезни Николая во время войны.

С начала войны не было никаких вестей от младшего брата Виктора.

Виктор, призванный в Красную Армию в 1940 году, службу проходил в составе 155 стрелковой дивизии, дислоцированной в Западной Белоруссии. С первых дней войны его дивизия приняла удар моторизованных частей Вермахта и с кровопролитными боями отступала на восток. Под Смоленском остатки дивизии оказались в окружении, и больше месяца им пришлось пробираться к своим. Только в ноябре 41-го группе бойцов в которой находился Виктор удалось вырваться из окружения и перейти линию фронта. Далее красноармейцев-окруженцев отправили на переформирование в Клязьму.

По прибытию в Москву на Ржевский вокзал Виктор позвонил Николаю. С разрешения командира подразделения Виктора отпустили на четыре часа. На квартире у Николая младший брат в течение двух часов рассказывал о тяжелых сложившихся условиях на фронте. Виктор рассказал брату об огромных потерях Красной Армии: убитыми, ранеными, попавшими в плен, о преимуществе немцев в вооружении и технике.

В декабре 41-го и первую половину 1942 года Виктор по роду службы неоднократно был в Москве и всегда старался увидеться с Николаем. Несколько раз Виктор был на квартире у Николая, его поразило присутствие большого количества книг на немецком языке. Виктор заметил, что на письменном столе, на полу, на книжных полках лежали в большом количестве альбомы-формуляры с описанием немецких боевых и транспортных самолетов. В течение первого полугодия 1942 года в ходе нечастых встреч с братом Николай в рамках дозволенного объяснил, что готовится к ответственному заданию. Упомянул также о зачислении его в десантные части и что до окончания войны связь с ним будет прервана. Виктор даже из отрывков немногих фраз в действительности смог представить степень важности и уровень секретности предстоящего задания, к которому готовился Николай. В ходе одной из последних встреч Николай передал Виктору на хранение свои фотографии московского периода. На большинстве снимков Николай был запечатлен в темных очках.

Позднее воинская часть, в которой находился Виктор, была направлена на фронт. Машина, которой управлял Виктор Иванович, была подбита снарядом и загорелась. Виктор чудом остался жив, но личный вещевой мешок, в котором хранились его вещи и фотографии Николая, остался в кабине автомобиля и сгорел вместе с машиной.

С началом войны в ГРУ и в НКВД были созданы отделы по постоянной оценке и обработке информации разведывательного характера, поступавшей от зафронтовых и зарубежных источников. Согласно приказу по управлению НКВД СССР от 5 июля 1941 г., старший майор госбезопасности Судоплатов Павел Анатольевич был назначен начальником особой группы

разведдиверсионной работы в тылу германской армии по линии НКВД. Его заместителями были утверждены: Эйтингон, Мельников, Какучая, а также назначены начальники ведущих направлений для развертывания оперативной диверсионной работы в ближних и дальних тылах немецкой армии.

В Наркомате Внутренних Дел и Наркомате Государственной Безопасности были проведены реорганизационные мероприятия. Оба наркомата были объединены в один расширенный аппарат, возглавлять который был утвержден нарком Берия Л.П. Его первым заместителем был назначен Всеволод Меркулов, бывший нарком НКГБ.

Изменения коснулись и управлений Наркомата, Первое управление – разведывательное возглавлял Фитин Павел Михайлович – комиссар госбезопасности 3-го ранга, его первый зам, Судоплатов П.А., Вторым управлением – контрразведывательным, руководил Федотов Павел Васильевич – комиссар госбезопасности 3-го ранга, его заместитель Райхман Леонид Федорович.

Начавшаяся война выявила ряд серьезных упущений и недоработок в аппарате НКВД. В течение первых месяцев Великой Отечественной войны немецкие дивизии оккупировали огромные территории СССР.

Особая группа, возглавляемая Судоплатовым, остро нуждалась в профессиональных кадрах. Ряд высокопоставленных сотрудников Центра: Федотов, Судоплатов, Райхман, Эйтингон – обратились к наркому Берии с ходатайством об освобождении из тюрем и лагерей опытных профессионалов-разведчиков и контрразведчиков. А также были привлечены к активной работе находящиеся в опале и необоснованно уволенные ранее сотрудники НКВД-НКГБ СССР.

Создавшееся положение на фронтах в 41 году в резкой форме изменило отношение руководства страны к поступавшей разведывательной стратегической информации и материалам.

Из тюремных камер были освобождены опытные агенты-разведчики: Серебрянский Яков, Зубов Петр. Были привлечены к работе ранее уволенные оперативники, такие как: Абель, Прокопюк, Медведев Дмитрий, Каминский. Многие из них были заброшены во главе специальных групп в тылы немецких частей и административных территорий.

Перед Особой группой (с октября 1941 года именовалась 2-й отдел НКВД, с начала 1942 года преобразована в 4-е управление НКВД) ставились задачи: ведение разведдеятельности против Германии и ее союзных держав, создание агентурной сети на оккупированных территориях, организация партизанских соединений и отрядов с применением крупномасштабных диверсий, ведение радиоигр с немецкой разведкой с целью дезинформации противника. Генеральному штабу необходимо было иметь представление о количестве немецких соединений и их дислокации, знать замыслы противника и его оперативные планы, обладать информацией о стратегических резервах и вооружении, иметь сводки вражеских потерь, техники и людских ресурсов.

Осенью 1941 года аппарат государственного правительства эвакуировался в Куйбышев (ныне г. Самара). Москва жила по законам военного времени. Начиная с двадцатых чисел июля, столица впервые подверглась налету немецкой авиации. Бомбардировщики люфтваффе практически ежедневно бомбили жилые кварталы, промышленные объекты Москвы и пригородные территории. Несмотря на заградительный огонь зенитных батарей, основная часть самолетов все же прорывалась к столице, нанося большие разрушения.

С первых дней начавшейся войны вплоть до июня 1942 года Кузнецов напишет несколько рапортов с категоричной просьбой применить его опыт и знания в борьбе против германской армии. В одном из таких рапортов Николай Иванович напишет: «... Настоящим считаю необходимым заявить Вам следующее: в первые же дни после нападения гитлеровских армий на нашу страну мною был подан рапорт на имя моего непосредственного начальника с просьбой

об использовании меня в активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю германских войск.

На этот рапорт мне тогда ответили, что имеется перспектива переброски меня в тыл к немцам за линию фронта для диверсионно-разведывательной деятельности, и мне велено ждать приказа. Позднее, в сентябре 1941 г., мне было заявлено, что ввиду некоторой известности моей личности среди дипкорпуса держав оси в Москве до войны, во избежание бесцельных жертв посылка меня к немцам пока не является целесообразной. Меня решили тогда временно направить под видом германского солдата в лагерь германских военнопленных для несения службы разведки. Мне была дана подготовка под руководством соответствующего лица из военной разведки. Эта подготовка дала мне элементарные сведения и знания о германской армии. 16 октября 1941 г. этот план был отменен, и мне было сообщено об оставлении меня в Москве на случай оккупации столицы германской армией. Так прошел 1941 год. В начале 1942 г. мне сообщили, что перспектива переброски меня к немцам стала снова актуальной. Для этой цели мне дали элементарную подготовку биографического характера. Однако осуществления этого плана до сих пор по неизвестным мне причинам не произошло. Таким образом, прошел год без нескольких дней с того времени, как я нахожусь на полном содержании советской разведки и не приношу никакой пользы, находясь в состоянии вынужденной консервации и полного бездействия, ожидая приказа. Завязывание же самостоятельных связей типа довоенного времени исключено, т.к. один тот факт, что лицо «германского происхождения» оставлено в Москве во время войны уже сам по себе является подозрительным. Естественно, что я, как всякий советский человек, горю желанием принести пользу моей Родине в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих. Бесконечное ожидание (почти год) и вынужденное бездействие при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способности принести существенную пользу моей Родине в минуту, когда решается вопрос быть или не быть, страшно угнетает меня. Всю мою сознательную жизнь я нахожусь на службе в советской разведке. Она меня воспитала и научила ненавидеть фашизм и всех врагов моей Родины. Так не для того же меня воспитывали, чтоб в момент, когда пришел час испытаний, заставлять меня прозябать в бездействии и есть даром советский хлеб? В конце концов, как русский человек, я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага, вторгшегося в пределы моей Родины и угрожающего всему нашему существованию! Разве легко мне в бездействии читать в течение года сообщения наших газет о тех чудовищных злодеяниях германских оккупантов на нашей земле, этих диких зверей?

Тем более что я знаю в совершенстве язык этих зверей, их повадку, характер, привычки, образ жизни. Я специализировался на этого зверя. В моих руках сильное и страшное для врага оружие, гораздо серьезнее огнестрельного. Так почему же до сих пор я сижу у моря и жду погоды? Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной. Поэтому прошу Вас довести до сведения верховного руководства этот рапорт. В заключение заявляю следующее: если почему-либо невозможно осуществить выработанный план заброски меня к немцам, то я с радостью выполнял бы следующие функции:

1. Участие в военных диверсиях и разведке в составе парашютных соединений РККА на вражеской территории.

2. Групповая диверсионная деятельность в форме германских войск в тылу у немцев.

3. Партизанская деятельность в составе одного из партизанских отрядов.

4. Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятно возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду на дело, т.к. сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание дает мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца.

3 июня 1942 г. «Колонист»

г. Москва»

Согласно приказу в Москве проводились мероприятия по заминированию всех жизненно важных объектов: железнодорожных мостов, электростанций, водозаборных сооружений, промышленных предприятий. Работами по заминированию руководили сотрудники Центрального аппарата НКВД, в частности начальник контрразведки УНКВД по городу Москва Федосеев Сергей Михайлович. В кратчайший срок были созданы три законспирированные диверсионные разведывательные группы на случай оккупации столицы. Во главе этих групп были назначены ответственные сотрудники госбезопасности: Федотов Павел, Дроздов Виктор. Ранее предполагалось включить в состав одной из законспирированной сети агента «Колонист».

Были заминированы ряд правительственных зданий и учреждений, несколько загородных резиденций членов ЦК, где предположительно могли бы проводиться совещания высших должностных лиц Третьего рейха.

Начальник 2-го Особого отдела Павел Судоплатов, имея уже большой опыт работы за границей, обладал незаурядными организаторскими способностями. Для выполнения ответственных заданий Судоплатов привлек высокопрофессиональных чекистов, принимавших участие в гражданской войне в Испании: Ваупшасова, Орловского, Маклярского. Отделения, вошедшие в состав Особого отдела, формировались по территориальному направлению и назывались Белорусское, Украинское, Кавказское. Позднее отделения были переименованы в отделы.

Особый отдел нуждался в квалифицированных специалистах, которых планировалось забрасывать поодиночке или в составе немногочисленных групп в тылы противника. Судоплатов и его подчиненные занимались поиском таких людей, обращаясь во все подразделения НКВД. Особенно не хватало подготовленных разведчиков для украинского отдела – для последующего ведения разведывательной работы на оккупированной Украине. После обращения Судоплатова к начальнику контрразведки Павлу Федотову с просьбой о переводе «Колониста» в Особый отдел была достигнута обоюдная договоренность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.